

НАРИНЭ АБГАРЯН
АЛЕКСАНДР БЕСОНОВ
АЛЕКСАНДР ЦЫПКИН и К^О

Удивительные истории

Татьяна Олзоева
Марина Нугманова
Виктория Юрьевна Медведева
Ольга Есаулкова
Мария Александровна Ерфилова
Саша Шиган
Игорь Родионов
Вера Владимировна
Юлиана Александрова
Кристина Андреевна Белозерцева
Юлия Крынская
Галина Капустина
Алёна Полуян
Наринэ Юриковна Абгарян
Наталья Глазунова
Андрей Лобов
Светлана Алексеевна Кривошлыкова
Владимир Викто
Ольга Бунина
Вера Плауде
Александр Евгеньевич Цыпкин

Светлана Пригорницкая
Артак Оганесян
Александр Бессонов
София Ильинична Парипская
Удивительные истории о 90-х
Серия «Удивительные истории»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68932605

Удивительные истории о 90-х:

ISBN 978-5-17-153808-8

Аннотация

Сколько отпечатков и легко узнаваемых символов оставили после себя девяностые: малиновые пиджаки и торговые ларьки, экстрасенсы и ваучеры, игровые приставки и тетрис, яркие лосины и клетчатые баулы.

Без чего никогда не обходятся «лихие» времена?

Без удивительных историй.

Их авторы – очевидцы и участники. Они закусывали «рояль» «сникерсом» и смотрели сериал про бандитов не по телевизору, а прямо на улицах.

Для тех, у кого были свои девяностые, эти рассказы – возможность вспомнить и поностальгировать. А для тех, кто

не застал ту шальную эпоху, сборник – прекрасный способ познакомиться с ней поближе.

Удивительные истории о девяностых – веселые и грустные, случайные и судьбоносные – рассказали: Наринэ Абгарян, Юлиана Александрова, Кристина Белозерцева, Александр Бессонов, Ольга Бунина, Владимир Викто, Вера Владимирова, Наталья Глазунова, Мария Ерфилова, Ольга Есаулкова, Галина Капустина, Светлана Кривошлыкова, Юлия Крынская, Андрей Лобов, Виктория Медведева, Марина Нугманова, Артак Оганесян, Татьяна Олзоева, София Парипская, Вера Плауде, Алёна Полуян, Светлана Пригорницкая, Игорь Родионов, Александр Цыпкин и Саша Шиган.

Содержание

Наринэ Абгарян	7
Марина Нугманова	18
Саша Шиган	36
София Парипская	55
Виктория Медведева	69
Артак Оганесян	81
Светлана Кривошлыкова	101
Ольга Бунина	128
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Удивительные истории о 90-х

© Авторы, текст, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Наринэ Абгарян Понаехавшая¹

Из письма Понаехавшей к подруге:

«Ты только не думай, у меня все в порядке. Устроилась на работу в «Интурист», ничего пока не умею. Приняла у клиента пять долларов, рубли отдала как за десять. Недостачу вычтут из зарплаты. Кругом много иностранцев, и проституток тоже много. Зато коллектив хороший. Учат меня матом ругаться, но я не поддаюсь. Совмещать работу с учебой не очень получается, придется, наверное, уходить из университета. Пока раздумываю. Маме с папой ничего об этом не рассказывай. Ну, про универ, про мат и проституток. И про недостачу не говори. Скажи, что я в банке работаю, и что все у меня хорошо.

А вообще, знаешь, что я хочу тебе сказать? За последние полгода я впервые нашарила твердую почву под ногами.

Москва меня, кажется, приняла».

«Интурист» оказался весьма посредственной гостиницей с обшарпанными интерьерами и запредельными ценами на сервис. Верхние этажи сдавались под офисы и рестораны,

¹ Из одноименной книги.

фойе было забито мелкими ларьками, торгующими сувенирами а-ля рюс. Там непреклонному в своем желании познать загадочную русскую душу интуристу предлагались матрешки, ушанки, водка, икра, хохлома и прочая гжель. А также самовары, балалайки, расписные деревянные ложки, разнообразные псевдофаберже и даже баян. Каждое утро две худенькие продавщицы выволакивали баян из-под прилавка и вешали на устрашающий, но элегантно обмотанный мерцающей гирляндой мясницкий крюк. Баян с потусторонним стенанием разворачивал полукругом свои меха и покачивался на сквозняке, укоризненно выставив на обозрение красные бока. В течение дня всяк мимо проходящий считал своим долгом дернуть за свободный ремень и изобразить на клавиатуре что-то отдаленно музыкальное. Баян с готовностью выдавал леденящие душу импровизации, распугивая приезжий народ на многие мили вокруг.

Справа от павильонов и зимнего сада раскинулся большой магазин-салон «Русские меха». Девочки из «Мехов» считали себя чуть ли не небожителями – еще бы, предлагать клиентам шубы за двадцать тысяч долларов не каждой смертной доверят. Они порхали по внешнему периметру салона мелкими стайками, зябко кутались в элитные меха, подвернув болтающийся ценник куда-то в рукав или под воротник. Щebetали исключительно на странной смеси иностранных языков – щеголяли знаниями. Правда, эти знания им были совершенно ни к чему – основной клиентурой салона явля-

лась «братва» в малиновых пиджаках. «Братва» умела вежливо сказать «принеси-подай» и «курва». Девочки безропотно обслуживали маргинальных покупателей, а потом полдня ходили с трагической гримасой поперек лица – переваривали обращение «слышь, волосатая мездра».

По просторному фойе с грозной и озабоченной миной сновала бравая, закованная в униформу охрана. Вид охрана имела устрашающий – квадратные челюсти, короткие стрижки, шипящие на выдохе рации, убедительно выпирающая из-под пиджака кобура. Только вместо оружия в кобуре хранились заботливо нарезанные бутерброды и всякая другая мелкая трапеза. Поэтому, когда спустя какое-то время в гостинице случилось ограбление, охрана вперед постояльцев рванула прятаться – дураков нет: безоружным лезть на рожон.

За окаймленным сувенирными лавочками зимним садом расположилось большое казино. В те времена игорные дома были в новинку, поэтому клиентура была весьма разнообразной – от простых обывателей и даже пенсионеров, пришедших разочек попытать счастья, до ценителей жанра и даже лудоманов. Работники «Интуриста» в казино не заглядывали – там творились странные дела, выигрыши случались крайне редко, а если и случались, то только крупные и у «крыши». По гостинице ходили систематические слухи, как «на той неделе буквально на минуточку заглянул некий криминальный авторитет, сделал минимальную ставку, сорвал банк в

пятьдесят тысяч долларов и уехал прочь, а владелец казино ползал за ним чуть ли не на карачках и рвался подобострастно облобызывать ему ботинки».

Особой достопримечательностью «Интуриста» считались жрицы любви (в гостинице их принято было называть «валютными девочками»). Если днем они старались не попадаться на глаза, то ближе к вечеру высыпали разномастными группками и, призывно вихляя бедрами и другими формами, прогуливались по фойе – предлагали встречным свои услуги. Верховодила ими крикливая хромоногая сутенерша Вера – она неустанно контролировала каждый шаг своих подопечных, строго следила, чтобы они не напивались до положения риз и не дебоширили.

По ходу рабочей ночи жрицы заметно теряли товарный вид – растоптанный макияж, пошатывающаяся полупьяная походка, квелые прелести. Наблюдать за ними было страшно и больно – это была та темная сторона жизни, от которой хотелось держаться как можно дальше.

Впрочем, своим образом жизни жрицы любви не особо тяготились и уходили из профессии если и планировали, то только вперед ногами.

Вот в такой нервной обстановке и предстояло работать кассиршам обменника. Какое-то время, недели две, а может, и три, девочки находились в полной прострации – сцепив зубы, меняли валюту, стараясь не шибко ошибаться в расчетах. Спустя несколько часов сосредоточенной работы внимание

притуплялось до такой степени, что все купюры казались на одно лицо.

Сведение кассы выливалось в сплошную трагедию – девушки регулярно недосчитывались денег. Если иностранцы в незнакомых купюрах не разбирались, поэтому пересдач просто не замечали, то аборигены старались смыться до того, как нерадивая кассирша спохватится и поднимет вселенский вой.

По итогам первого месяца работы буквально все девочки из-за допущенных ошибок вышли в ноль, а некоторые умудрились остаться в должниках. Интуристовские работники настороженно наблюдали за новичками, попыток сближения не предпринимали. Но потом, удостоверившись, что девочки обосновались в гостинице надолго, решили проверить их на вшивость и отправили к ним одного из носильщиков с кипой валютной мелочи. Кассирши безропотно обменяли двадцать однодолларовых ветхих купюр на одну новенькую и хрустящую, чем навсегда снискали расположение гостиничных коллег.

Таким нехитрым способом Рубикон был перейден, и «Интурист» повернулся к девочкам лицом.

* * *

Однажды в обменном пункте случилось ограбление. Повезло на такой воистину экстрим Понаехавшей.

– Здравсти, это ограбление, – представился грабитель и для пушей убедительности просунул в окно пистолет. У пистолета было темное, несколько приплюснутое с боков дуло.

– Прахадити, гости дарахие, – всколыхнулась Понаехавшая.

Грабитель тут же ворвался в обменник и принялся шуровать в ящичках. Наша горе-героиня забилась в угол и какое-то время в ступоре наблюдала, как непрошенный гость выворачивает содержимое сейфов наружу. Потом очнулась, нашарила рукой куртку с сумкой. Тихо прокралась к двери.

– Ну, я пошла? – зачем-то спросила.

– Иди, – смилостивился грабитель.

Понаехавшая выскользнула из обменника и, дабы не злить грабителя суетливыми телодвижениями, пошла шагом от бедра в сторону лифтового холла. Там она незамедлительно была положена попрятавшейся охраной сначала мордой в пол, а потом, когда разобрались, что это вовсе не преступник, а работник «Интуриста», затолкнута в лифт и хаотично отправлена на семнадцатый этаж.

С семнадцатого этажа Понаехавшая телефонировала в банк и радостно отрапортовала, что вместе с курткой вынесла инкассаторскую сумку, пусть, мол, банк не волнуется, грабителю достанется самая малость.

День ограбления выдался невероятно сумбурным. Сначала на место происшествия нагрянула бригада скорой помощи. Оказалось, пока Понаехавшая находилась на семнадцатом этаже, в обменник ворвался начальник охраны Сергей Владимирович по кличке Дровосек и попытался посредством голой рации остановить вооруженного преступника. Грабитель, несколько обескураженный героизмом Сергея Владимировича, на долю секунды растерялся, но потом взял себя в руки, прострелил бравому начальнику охраны ногу и, не теряя времени, был таков. Уходил через нижние этажи и служебные помещения, нагоняя страх на сотрудников гостиницы вытарашенным дулом пистолета.

И теперь Сергей Владимирович истекал кровью, лежа вперемешку со скарбом для обмена валюты на полу, и виртуозно матерился в передвинутый для проветривания фанерный потолок. К счастью, он легко отделался – пуля, не задев кость, прошла навывлет и застряла в ковролине. Охранники, виновато сопя, облепили обменник со всех сторон. После того как врач скорой помощи вколол Сергею Владимировичу обезболивающее и наложил на рану повязку, они с почестями отнесли своего начальника в машину. Нервно курили вслед, смахивая колючую мужскую слезу.

Затем приехало телевидение, и звезде дня Понаехавшей

пришлось бубнить невнятное в микрофон, протянутый юркой, густо покрашенной девицей.

– Сегодня в самом центре столицы, недалеко от Кремля, случилось беспрецедентное по своей наглости ограбление! – прицельно выкрикивала девица в камеру оператора. – Мы сейчас разговариваем с жертвой ограбления, кассиром обменного пункта банка «Золотой век»...

– Не надо рекламы, – промычал увешанный проводами оператор.

– Мы сейчас разговариваем с жертвой ограбления...

– Вообще-то я не жертва, – обиделась Понаехавшая.

– А кто?

– Очевидица.

– Мы сейчас разговариваем с очевидицей ограбления, кассиршей обменного пункта... извините, как вас зовут?

Понаехавшая назвалась. Девушка кивнула. И бойко продолжила репортаж, безбожно перевирая имя и фамилию Понаехавшей каждый раз на новый лад. Ни разу не повторилась!

– В вашем обменном пункте убиты люди! – тыкала микрофоном в лицо репортерша.

– Ранен начальник охраны.

– Смертельно? – оживилась журналистка.

– Не смертельно.

– Ну, это мы еще посмотрим, – не сдавалась репортерша. – Сколько было грабителей? Говорят, что на вас напала целая

банда! Они вам угрожали? Может, насильовали? Напугали до смерти? Ранили? Пытали? Ранили и пытали?

По ходу репортажа подтягивались новые журналисты, они лезли в нос круглыми диктофонами и другими записывающими устройствами, щелкали фотоаппаратами и наперебой сыпали вопросами.

Понаехавшая откровенно страдала. Уворачивалась от фотоаппаратов, делала горестное лицо. К счастью, вскорости подоспели оперативники с Петровки и отогнали прочь вполосненную телевизионную братию.

Следом подъехали банковские работники, впереди летела начальница Понаехавшей, с недокрашенным глазом и большим темным пятном на юбке, – накладывала макияж и пила кофе, да так и подорвалась, поднятая тревогой, опрокидывая на себя все, что было под рукой.

Пока она ощупывала подчиненную на предмет поврежденных, оперативники споро обсыпали обменник специальным порошком, сняли все отпечатки и опечатали помещение. Потом загнали случившихся на пути грабителя работников «Интуриста» в машины и повезли на Петровку – брать свидетельские показания и составлять фоторобот.

– Вся надежда на вас, – твердили они, – потому что, если это какой-нибудь залетный преступник, очень сложно будет его без фоторобота поймать. Поэтому мы сейчас разобьем вас на группы по два человека и будем составлять его портрет. А потом сверим полученные данные и придем к общему

знаменателю.

До позднего вечера восемь групп очевидцев ограбления, напряженно восстанавливая в памяти цепь событий, нашептывали оперативникам приметы преступника. Сильно расстраивалась работница гостиничной химчистки – когда преступник пробежал мимо, она возилась с бельем, поэтому ничего, кроме топота ног, изобразить не могла.

На выходе у следователей получилось восемь диаметрально противоположных по внешности фотороботов. Настолько противоположных, что прийти к общему знаменателю не представлялось возможным.

Попытка как-нибудь сблизить версии чуть не привела к мордобою: одни очевидцы утверждали, что это был высокий темноусый кавказец, другие – что гыкающий житель Ставрополя, а может, даже Украины, но обязательно голубоглазый и светлокудрый. Третьи были убеждены, что это был маленький тщедушный азиат, потому что характерный разрез глаз и вообще.

Единственное, в чем сошлись все свидетели ограбления, это пол грабителя. Но по одному только полу найти преступника очень сложно. Даже если у тебя под рукой восемь принципиально противоречащих друг другу его портретов.

Конечно же, дело заглохло.

Сергей Владимирович вскорости поправился и с триумфом вернулся на работу.

Интуристовское начальство подсуенилось и наконец-то

вооружило охрану.

На этой почве в гостинице более не случилось никаких ограблений.

Зато хранить бутерброды теперь стало категорически негде.

Марина Нугманова

Ради мира во всем мире

Странный парень совершенно не был похож на бандита. Его выдавали кроссовки. Это были яркие чешские «ботасы» с широкими красными полосками по бокам и синим кантом вдоль округлых мысков. Рисунок на обуви своей пестротой напоминал Инге аппликации ее маленькой дочки, где она часто без всякого смысла клеивала между собой кусочки разноцветной бумаги – лишь потому, что это было красиво.

Инга еще раз внимательно посмотрела на кроссовки и перевела взгляд на лицо их обладателя. Оно, как всегда, выражало дружелюбие – даже не верилось, что бандит снова пришел в видеосалон за денежной данью. Инга присела к отполированному до блеска, отливающему медовой патокой письменному столу и вытащила из ящика пухлый белый конверт.

– Руководство в отъезде, вот деньги. Пересчитывать будешь? – тихо спросила она.

– Нет. – Молодой человек взял конверт из ее рук и убрал во внутренний карман черной кожаной куртки. – Леха у нас бригадир, пусть он и пересчитывает. А я в бухгалтеры не занимался. – Он усмехнулся и оперся руками о стол. – Что сегодня показывают? – заговорщически спросил он, нависая

над девушкой.

– Тебе, Семен, не понравится, – произнесла Инга и отстранилась.

Ее лицо вспыхнуло, и она инстинктивно прикоснулась тыльной стороной ладони к щеке, пытаясь понять, насколько ярко пылает румянец.

– Опять, что ли, комедию? – Семен пристально уставился девушке в глаза.

Инга опустила взгляд и неловко убрала за ухо выбившуюся из хвостика прядь светло-русых волос. Но та, спружинив, снова упала на глаза.

– Да, комедию, – кивнула Инга. – «Кто подставил кролика Роджера».

– Ой, да это же мультяшки... – Семен широко улыбнулся, поднес руку к ее лицу и аккуратно заправил выбившуюся прядь обратно за ухо. – Никогда не любил мультяшки и комедии. Мой батя говорил, что это для слабаков, а боксеры должны смотреть только боевики. – Он резко выпрямился, сложил руки на груди и перестал улыбаться.

Инга окинула его внимательным взглядом. На голове ежик коротко стриженных волос, из-под ворота кожаной куртки выглядывает синяя адидасовская олимпийка, сбитую костяшку мизинца на средней фаланге подпирает золотая печатка. Словом, бандит как бандит, только вот кроссовки...

– Слушай, Семен, а ты не хочешь хоть краем глаза сам посмотреть этот мультик? – неожиданно предложила она.

– Кто, я? Мультишки? Инга, да ты что? Меня же ребята засмеют. – Он снова широко улыбнулся и потрогал челюсть пальцами, как будто проверяя, на месте она или нет.

Инга подумала, что у него это рефлексорное – когда тебя часто бьют на ринге в лицо, ты невольно начинаешь постоянно о нем беспокоиться. Она решительно встала.

– Пойдем! – требовательным тоном произнесла она и взяла его за руку.

Семен растерянно на нее посмотрел, но позволил себя отвести. Он двигался следом за девушкой медленными семенящими шагами, чуть сгибая ноги в коленях. Когда парень начал загребать ступнями ворсистый ковролин на полу, Инга удивленно на него посмотрела.

– Боюсь отдавить тебе пятки, – виновато прокомментировал он. – Я хоть и спортсмен, но с тобой всегда неуклюжий медведь. – Семен усмехнулся.

Девушка слегка улыбнулась и покачала головой. Они приблизились к двери «зрительного зала».

– Там есть администраторский стул, он пустой, – тихо произнесла Инга. – Я тебя очень прошу, садись и попробуй посмотреть хоть кусочек фильма.

Она открыла дверь и предложила Семену войти. Он так и поступил.

В небольшой комнате был полумрак. Зрители сидели на расставленных рядами стульях. В самом верху центральной стены на закрепленной кронштейнами двухъярусной пол-

ке располагался современный ламповый телевизор, под ним стоял видеомагнитофон. Свет от экрана падал на переднюю панель «видака», и Семен восторженно присвистнул: «Надо же, Panasonic, не какая-нибудь там “Электроника“». Сейчас на такое богатство можно было обменять квартиру или, например, его родную «девятку». Семен уважительно цокнул языком и, усевшись на свободный стул, начал смотреть фильм. На экране рисованный кролик пытался заключить в жаркие объятия мрачного сопротивляющегося мужика в потертом костюме и широкополой шляпе. Когда ему это удалось, недовольный тип расплылся в теплой улыбке. Семен тоже повеселел.

* * *

– Сема, ты просто одержимый! – Инга оторвала «контроль» на билете и протянула серо-голубую бумажку молодому человеку. – Ты пересмотрел у нас уже все, что только может вызвать улыбку.

Девушка закинула ногу на ногу и оттянула вниз длинный сиреневый свитер. Он почти до середины прикрыл обтянутые цветастыми лосинами бедра. Инга поправила широкий эластичный пояс на талии и оперлась локтями о стол.

– Я пересмотрел все по тому списку, что ты мне составила, – Семен взял билетик и засунул его в карман тренировочных штанов. – Что сегодня показывают? Я забыл.

Он уселся напротив Инги с другой стороны стола и пристально посмотрел на девушку.

– Вот! Ты даже не знаешь, что собираешься смотреть, – смеясь, воскликнула она. – И к тому же все время покупаешь билеты, хотя я могла бы посадить тебя просто так. А показывают «Моя мачеха – инопланетянка».

Инга снова засмеялась и вытащила из сумки коробочку с тушью-плевалкой. Обильно смочив слюной содержимое и посматривая в зеркало маленькой изящной пудреницы, она принялась красить глаза. Черная краска густо ложилась на ресницы и, чтобы разлепить их, Инга время от времени пользовалась иголкой.

– Я покупаю билеты потому, что ты с этого имеешь процент. – Семен внимательно наблюдал за ней. – Послушай, давай я подарю тебе тушь от Кардена – знаешь, такая, в тубике? Все хвалят. Хочешь?

– Нет, Семен. – Инга стала серьезной. – Мы договорились, что ты за мной не ухаживаешь и никаких подарков я от тебя не принимаю. Помнишь?

Девушка захлопнула коробочку с тушью, подкрасила помадой губы и, убрав косметику в сумку, принялась пересчитывать билеты.

– Помню... – грустно произнес Семен. – Он сцепил руки в замок и положил их на колени. – Это потому, что я бандит? – тихо спросил он. – Инга, я же больше ничего не умею. Спортивный клуб развалился, чем мне, боксеру, еще зани-

маться? – Он стал перебирать сомкнутыми пальцами.

– Семен, прости! Ты не должен менять свою жизнь ради меня, я этого не требую. Но мне не хочется думать, что мой молодой человек может причинять людям боль. – Инга собрала билеты в стопочку и аккуратно положила их перед собой.

– А если люди это заслуживают? – Семен сжал сцепленные в замок пальцы так, что костяшки на них побелели.

– Никто и никогда не заслуживает боли, – тихо произнесла девушка и, порывисто схватив одну из стопок с билетами, непонятно зачем снова принялась их пересчитывать.

Никто и никогда не заслуживает боли... Семен откинулся на спинку стула и запрокинул назад голову. Никто и никогда...

«Бей! – кричал ему тренер. – Он твой враг: если не ты его, то он тебя!» – и маленький Семен в темных тренировочных трусиках и белой майке изо всех сил бил соперника в лицо. Старался ударить в челюсть, но иногда промазывал и расшибал нос. Когда лилась кровь, он жалел, а потом привык.

«Бей! – кричал отец. – Уничтожь соперника!» – вопил он и подвешивал боксерскую грушу прямо около кровати сына, чтобы можно было ударить сразу, спросонья, даже если толком еще не успел осознать, что происходит. И Семен бил, иногда со злостью, иногда просто так. Бил всегда и везде, как просили и учили.

И только мать часто тихо горько плакала на кухне. А по-

том нежно обнимала Семена, целовала щеки и синяки, раскрывала красивые книжки с веселыми картинками и стихами и, усаживая мальчика на колени, предлагала вместе читать и рассматривать. И Семен с удовольствием читал и рассматривал.

Однажды мама сшила ему забавный костюм клоуна для детского утренника. Это была шапочка с бубенчиками и курточка с зеленым воротником и тремя большими синими пуговицами. В дополнение к этому они вместе с мамой смастерили из папье-маше круглый красный нос на резинке. Семен часто надевал нос и строил перед зеркалом гримасы, стараясь рассмешить мать. И она смеялась своим волшебным переливающимся смехом, таким же мелодичным, как перезвон бубенцов на его новой шапочке. В эти моменты Семен чувствовал себя абсолютно счастливым. Но отец сказал, что такое веселье для слабаков и идиотов, а Семен должен закалять характер. Он выбросил костюм на помойку, а мальчика в наказание оставил дома.

Семен встряхнул головой и задумчиво посмотрел на Ингу.

– Сем, ты что, расстроился? – взволновано спросила она.

– Нет, – коротко бросил он. – А что, сегодня опять придет твоя Анеттка? – как бы между прочим спросил он.

– Да, – ответила Инга. – Соседка, которая забирает ее из садика, приболела, и ей тяжело сидеть вечером с ребенком, поэтому она приведет Анеттку сюда.

Девушка поднялась и подошла к большому деревянному стеллажу с длинными рядами видеокассет. Найдя нужную, сняла ее с полки и вернулась обратно к столу.

– Ничего, – продолжила она, – посидит в углу, поиграет с мишкой. Здесь особо больше нечем заняться. – Инга положила кассету перед собой на столешницу.

Семен грустно улыбнулся и вспомнил, как маленькая Анеттка, старясь не издавать лишних звуков, тихонечко сидит на стуле в углу и укачивает на руках потрепанного плюшевого мишку. Когда молодой человек спросил ее, почему она так рано уложила друга, девочка ответила, что мишка очень любит смотреть мультики, но вечером мультики не показывают, и чтобы другу не было скучно, она предложила ему поспать.

И тут Семен встрепенулся:

– Знаешь, что? – воскликнул он. – Ты не принимаешь подарков, но в этом отказать мне не сможешь. Я хочу купить билеты на все сегодняшние вечерние сеансы. – Он хитро прищурился.

– Что ты задумал? – Инга округлила глаза.

– Мы будем смотреть мультики. К черту твою «Мачеху-инопланетянку». Будем вместе с твоей дочкой весь вечер смотреть мультики! И ты нам не запретишь. Я покупаю все билеты!

– Семен...

– Ничего не хочу слышать! Заряжай «Тома и Джерри». Я

и сам с удовольствием посмотрю.

– Сема, я не знаю даже, что сказать...

– А ничего и не надо говорить. – Семен быстро поднялся и сам подошел к стеллажу с видеокассетами.

* * *

Инга шла по Караванной улице по направлению к Дому кино. Она была в смятении. Этот странный молодой человек заставлял ее волноваться. Он был живой и настоящий, а еще какой-то недолюбленный и напоминал ей медвежонка, который по ошибке попал на воспитание в волчью стаю. Больше всего мишка мечтал есть на солнцепеке малину, а его заставляли в промозглых зарослях травить зайца. Инга это сразу почувствовала – почувствовала и захотела исправить.

– Привет! – Семен окликнул ее сзади.

Он был одет в черное кашемировое пальто, на шее шелковое кашне. В руках он сжимал букет алых тюльпанов – такая редкость посреди зимы.

– Привет, Семен. Это мне?

Инга взглянула на цветы и стала поправлять сумочку на плече. Но движения ее были настолько неловкими, что край капюшона болоньевой куртки забился под ремень сумки. Она с силой выдернула его обратно.

– Да, я подумал, что ты не откажешься. – Молодой человек окинул взглядом ее капюшон и улыбнулся одними угол-

ками рта.

– Семен, ты ведь на забыл, что это не свидание? Не забыл, что мы не встречаемся? – Инга серьезно на него посмотрела.

– Да-да, не забыл. Я помню, что ты решила меня отблагодарить за дочку и поэтому хочешь отвести на серьезный фильм. Только я забыл и режиссера, и название.

Он протянул Инге букет. Она взяла его и понюхала. Тюльпаны пахли одновременно сладостью фруктов и горечью травы. Это так напоминало весну, когда ароматы перемешиваются в своем буйстве.

– Режиссер – Тарковский. А фильм называется «Жертвоприношение», – напомнила она. – Ты должен это посмотреть. Мне хочется знать, что ты скажешь.

– Это так же интересно, как «Кролик Роджер»? А то я бы лучше пошел в цирк. – Он весело рассмеялся.

– Нет! – Инга с укоризной на него посмотрела. – Цирк мы оставим на потом, а сейчас Тарковский.

...После сеанса они очень долгое время шли молча. Порывистый ветер срывал с наста на сугробах сухой белый снег и с силой разгонял вдоль улицы. Инга в растерянности взглянула на цветы в своих руках. Семен распахнул пальто и спрятал их себе за пазуху.

Они вышли на Сенную площадь, где пестрела череда киосков и палаток. Менялы окидывали Семена уважительными взглядами, посматривали выжидательно. Рядом с фонарным столбом парень в шапочке «петушок» продавал абсо-

лютно зеленые бананы. Они были свалены в большие дощатые ящики. Парень взвешивал плоды на синих покачивающихся весах и вручал грозди покупателям прямо в руки.

Один из менял не выдержал и подошел к Семену. – Послушай, уважаемый! Мне тут забавную вещицу привезли. Таких больше нигде нет. Детская игрушка. Хочешь посмотреть? – Он протянул Семену плоскую пластиковую коробочку с закругленными краями. – Это «Тамагочи». Японская вещь. Поить, кормить надо. Вместо домашнего питомца. – Меняла широко улыбнулся и сверкнул золотой фиксой.

– Для девочки подойдет? – спросил Семен и попытался понажимать кнопки.

Игрушка пискнула, и на экране появился нарисованный зверек. Он сложил лапки в молитвенном жесте и жалобно уставился на Семена.

– Для ребенка в самый раз, дети такое любят, – ответил продавец, и показал, как работает устройство. Семен кивнул, расплатился и убрал игрушку в карман.

– Для Анеттки, – прокомментировал он Инге.

– Зачем? – насупленно спросила та.

– Знаешь, посмотрел я твоего Тарковского. И честно скажу, что абсолютно ничего не понял, кроме одного.

– И чего же? – заинтересовано спросила Инга.

– А мужик там очень сильно хотел пожертвовать самым дорогим ради спасения мира. Вот прямо в камеру смотрел и говорил: «Возьми у меня, господи, все самое дорогое, только

пусть будет мир во всем мире». Я подумал, что если бы я и хотел чем-то пожертвовать ради мира во всем мире, то мне даже и нечем... Может, я хочу, чтобы было, чем.

– И ты сможешь пожертвовать?

– Нет. – Семен опустил глаза.

Они медленно свернули во двор и побрели по пустынной улице. Свет тусклых фонарей освещал их одинокие фигуры, и они отбрасывали на дорогу длинные теряющиеся в снежной поземке тени. Семен соорудил «козу» и, поиграв с ее тенью, «боднул» Ингу в бок. Девушка рассмеялась, а потом задумчиво взглянула на молодого человека. Даже в свете тусклого фонаря она заметила, сколько озорства в его глазах. Она глубоко вздохнула.

* * *

Бригадир Леха подъехал к видеосалону на такой же красной «девятке», как и у Семена. Сквозь низкое заметенное снегом полуподвальное окно Инга разглядела ее номера и обувь хозяина. Это были черные кожаные ботинки с сильно вытянутыми носами и металлическими заклепками по бокам. Инга подумала, что к такой обуви очень бы подошли шпоры с их единственным назначением – больно бить по бокам лошади.

Инга наблюдала, как двигаются ботинки, и через мгновение встрепенулась, потому что поняла, что их хозяин идет

сильно вразвалку. «Очень пьян», – промелькнуло в голове, и она с напряжением уставилась на входную дверь.

Бандит ввалился, чуть пошатываясь, задев плечом отделанный березовым шпоном дверной косяк. Его глаза смотрели зло, а на лице застыла кривая гримаса. Инга поежилась. Вид Лехи испугал ее, но она вспомнила, что в кинозале сидит Семен. Он смотрит мультики с ее маленькой дочкой. Может, в случае чего придет на выручку. Но Инга тут же усомнилась в этом: все-таки Леха бригадир Семена.

Бандит вплотную подошел к столу, за которым она сидела. Оперся руками о столешницу и наклонился к девушке. Крест на его шее вывалился из-под ворота куртки и, качнувшись на толстой золотой цепочке, повис перед самым лицом Инги. Она не могла отвести от подвески взгляда.

– Чё уставилась? – зло бросил Леха и, собрав крест с цепочкой в пригоршню, поцеловал в самую серединку. – Уставилась она. Сглазишь! Щас как ноги повыдергиваю! – Он убрал украшение за пазуху.

– Ты пьян, – тихим голосом произнесла Инга.

– Да, я пьян! – Леха расплылся в ядовитой улыбке и оближал сухие потрескавшиеся губы, так что они сально заблестели. – Имею право! – продолжил он. – Я пришел сказать, что увеличиваю побор, и сегодня ты мне должна больше бабла.

– Обращайся к хозяину, – произнесла Инга твердым голосом.

Она напряженно выпрямила спину и посмотрела собесед-

нику прямо в глаза.

– Ой, че-е-е, никак? А может, ты мне натурой отдашь?

Леха наклонился еще ниже и затрясся в припадке ехидного смеха. Едкий запах перегара ударил Инге прямо в нос, и она инстинктивно отвернула лицо.

– Не смей отворачиваться, стерва! Я что, тебе противен? – Леха крепко сжал пальцами подбородок девушки и развернул ее лицо к себе.

Инга вскочила и попяtilась к стеллажу с видеокассетами. Она прижалась лопатками к полкам и сквозь тонкую блузку почувствовала пластмассовую прохладу кассет. Леха обогнул стол и приблизился к ней.

– Ну что, боишься? – он посмотрел на нее со злой усмешкой.

– Нет, – громко ответила Инга, но все-таки опустила глаза.

– А так? – Леха со всей силы ударил кулаком по стеллажу. Тот накренился вбок и через секунду с грохотом рухнул на пол. Видеокассеты с легким потрескиванием разлетелись вокруг. Инга с ужасом взглянула на погром.

– Ну а теперь страшно?

Леха перестал улыбаться, его зрачки сузились до маленьких точек, и он посмотрел на нее уже другим, совершенно звериным взглядом. Инга зажмурилась.

Внезапно в глубине помещения громко хлопнула дверь, и в комнату зашел Семен. После полумрака кинозала он подслеповато моргал, присматриваясь. – Что происходит? Что

за шум? – с недоумением спросил он, разглядывая погром.

– Представляешь, телка выкобениваться начала, – ответил Леха. – Говорит, что не страшно ей. Вот учу ее уму разуму. Давай вместе, – предложил Леха и, поднеся руку к щеке Инги, слегка провел по ней пальцами.

– Оставь ее, – тихо произнес Семен и подошел к ним ближе. – Я говорю, оставь ее.

Он отшвырнул руку Лехи.

– Сема, ты что, мультиков пересмотрел? – Леха повернулся к Семену и оскалился, оголив кривые желтые зубы. – Я все знаю! Над тобой вся братва потешается – боксер смотрит мультики.

Он насмешливо рассмеялся и в упор взглянул на Семена. Тот не отреагировал. Тогда Леха прижал руки к животу и, согнувшись в три погибели, громко загоготал.

– Боксер смотрит мультики, – постанывая, ржал он.

Семен сделал к нему резкий угрожающий шаг, но внезапно остановился.

– Ну ударь меня! – Леха выпрямился и вызывающе посмотрел на Семена. – Ударь! Я все знаю, я знаю, что ты с ней и по Домам кино ходишь. – Леха со злостью ткнул пальцем в Ингу. – Я все знаю. Вот решил сам убедиться... Думаешь, ты лучше меня? Лучше нас? Ты такой же! – Леха бешено сверкнул глазами. – Ну давай же, ударь меня. – Он смачно сплюнул под ноги напарника.

Семен сделал к нему еще шаг.

– Нет, – выкрикнула Инга. – Сема, нет! – Она в панике обхватила лицо руками, из глаз брызнули слезы.

– Успокойся... – тихо произнес Семен. – Я не буду его бить. Я больше никогда никого не буду бить. – Он подошел к Лехе и, пару раз дружески хлопнув его по щеке, усмехнулся. – Остынь. Я, может, и не лучше тебя, но у меня теперь есть все, чтобы это изменить.

– Ах ты мразь!

Лицо Лехи исказила страшная гримаса, он замахнулся и попытался ударить Семена в челюсть. Боксер перехватил его руку и слегка толкнул бригадира в грудь. Пьяный Леха не удержал равновесия и упал прямо в кучу разбросанных видеокассет.

– Гад! – взвыл он, пытаясь подняться, но кассеты выскальзывали из-под него, не давая опоры.

– Сема, что ты наделал? – вскричала Инга и спрятала лицо в ладонях. – Они уничтожат нас. – Она с силой надавила пальцами себе на виски. – Они уничтожат нас, – повторила она и ее плечи затряслись.

– Все нормально, хватай Анетту, и уходим отсюда, – командовал Семен, но оценив ее замешательство, сам быстро юркнул в темноту видеозала.

Доносившаяся оттуда веселая музыка стихла.

Они ехали прочь от города уже целый час. Свет фар тусклым пятном расплывался впереди автомобиля, выхватывая из мрака заснеженную дорогу и кромку мрачного густого леса. Анетта спала на заднем сиденье, безмятежно прижимая к груди плюшевого мишку. Кожаная куртка, которой укрыл ее Семен, сползла, и молодой человек, обернувшись, одной рукой натянул ее обратно.

– Сема, я тебя очень прошу, смотри, пожалуйста, за дорогой, – взволнованно произнесла Инга.

Она сидела на пассажирском сиденье, напряженно всматриваясь в темноту. Между бровей пролегла хмурая беспокойная морщинка. Обхватив себя руками, девушка нервно покусывала губы.

– Инга, я тебя очень прошу, не переживай так. – Семен сделал «козу» и, боднув девушку в бок, улыбнулся.

– Сема, это не игрушки! – Инга повысила голос. – Не игрушки! У меня дочь. – Ее голос задрожал.

Она с силой надавила пальцами на веки, пытаясь остановить подступившие слезы.

– Не у тебя, а у нас дочь, – тихо произнес Семен. – Ты подарила мне меня, а я хочу подарить вам себя. Доверься мне. – Он положил руку ей на колено и успокаивающе погладил. – Теперь все будет по-другому, все будет хорошо. До-

верься мне, – повторил он. – И потом, мне теперь есть чем жертвовать ради мира во всем мире. Это ты хоть можешь оценить? – Он лукаво улыбнулся. – Буду жертвовать вами. – Он рассмеялся и заговорщически заглянул ей в глаза.

Инга усмехнулась.

За окном машины мелькнул знак выезда из города. Девушка посмотрела на линию, перечеркивающую название и подумала, что это очень символично. Когда заканчивается что-то одно, всегда начинается нечто другое. Она с напряжением стала всматриваться в темноту, поджидая, когда у дороги появится следующий знак – с названием нового населенного пункта.

Саша Шиган

Погружение на максимальную глубину

Надо признать, в девяносто пятом у меня не было мечты. То есть совсем. Никакой. В восемнадцать лет положено иметь мечту. А у меня ее не было. Наверное, это тянулось с детского возраста. Когда была маленькой, детей часто спрашивали – кем хочешь стать, когда вырастешь? Подружки отвечали – врачом, артисткой... А я – «ником». Ведь когда вырасту, уже будет коммунизм.

Мы сидели в санитарной комнате больничного морга и пили водку Rasputin – ту, из рекламы с подмигивающим бородачом. Разбавляли тверским пивом, купленным с грузовика. На закуску – вобла, сушеные бананы и халва. Дефицитную воблу притаранил из казармы Костя Ярцев. Целых две рыбехи. Отмечали Костину двухдневную увольнительную. Вместе с его друзьями, бывшими одноклассниками – Лехой Мухиным и Генкой-минером. Они подрабатывали в морге – Муха санитаром, а Генка охранником.

Санитарная комната располагалась ближе к приемной и, соответственно, к выходу на улицу. Поэтому в ней не так воняло формалином, как в других, дальних помещениях. А использовалась она для отдыха сотрудников морга – стол, бу-

фет, две узкие потрепанные кушетки, холодильник, который иногда вздрагивал и бился в истерике, умывальник и даже списанный из больницы черно-белый телевизор «Рубин». И еще печатная машинка «Эрика» – в углу, на широкой тумбе около больного холодильника.

Муха пел под гитару что-то серьезное, из Цоя. Костя мутил пересохшую рыбеху о край стола и разъяснял приказы из устава подводника. Теперь я знала, что женщин на борту подлодки встречают так же, как адмирала – по всей выправке, непременно в верхней одежде. И что вобла выводит из организма стронций. Костя Ярцев – курсант военно-морского училища подводного плавания. У него была форма с бронзовыми якорями. И серьезные глаза. Я с ним познакомилась на ночной субботней «шизе». Это такая дискотека с двумя входами – бесплатным со стороны училищной казармы и по недорогим билетам для гражданских с улицы.

– Лешка, спой что-нибудь свое, – попросила я Муху.

– Гуталин. Прекрасно. Питает. Кожу... Гуталин. Обувщик под кустом с пьяной рожей... Хоть и пьян обувщик, но надежен. Гуталин-н-н.

Под «гуталин» звякнули стаканы.

– А помните, Лидия Аркадьевна потащила весь класс в Эрмитаж? – ударился в воспоминания Генка. – Поезд в метро сильно трясся, качался. Машинист резко тормознул, все попадали. Даже лампочки погасли на несколько секунд. Кто-то завалился на Лидию, и она грохнулась. Плашмя, в своем

синем костюме с роскошной аметистовой брошью.

– Да-да! – подхватил Костя. – Потом нас построила в ряд и пыталась – какой гаденыш ее толкнул.

– Ага, и ты спросил: Лидия Аркадьевна, что значит «гаденыш»? А она: гаденыш – то же самое, что и гад, но намного-намного хуже!

Муха затынул песню про любовь и туманы. Возвращаться в шумную общагу художественного училища не хотелось, и я сказала:

– Ребята, хорошо у вас здесь. Главное, тихо. Можно я здесь останусь? А что, могу макияж жмурикам делать. – Я потрясла в воздухе листочком: – Вот. Прейскурант на услуги морга. Макияж легкий – три у.е., сложный – пять.

– Да уж. Генка однажды так покойника разукрасил – мать родная не узнала. Здесь талант нужен. У тебя есть талант? – спросил Муха.

– Еще какой.

Муха поглядел на меня недоверчиво. Возможно, его смущали щедро намалеванные тени, стрелки до висков, ресницы, скрытые под тремя слоями коричневой туши. В макияже я делала акцент на глазах, как Джулия Робертс.

– Большое желание гримировать жмуриков? Мечта детства?

Я прикусила губу. Но быстро нашлась и парировала:

– А ты всегда хотел санитаром в морге работать?

Муха погладил гитару, прошелся по струнам:

– «Светят звезды на небе, мчатся рельсы в тайгу, божь газетой прикрылся на скамейке в саду...» Один мой знакомый мечтает купить машину. Обязательно иномарку. Потому как, говорит, если человек говно – это полбеды, а если у него машина говно – это уже ни в какие ворота не лезет.

– Так себе мечта, – сказал Генка. – А ты, Костян, не передумал? Все так же хочешь на подлодку, несмотря ни на что?

– Да, хочу. На что не смотря?

– Знаешь... Только не обижайся. За военную форму сейчас и побить могут. Вроде как не престижно.

Костя пожал плечами. Мы выпили за мечту. Закусили липкими сушеными бананами и халвой. Генка, растроганный встречей, предложил:

– Дурни, давайте так. Каждый напишет на бумажке, о чем мечтает. Спрячем здесь. А потом, лет эдак через десять, снова встретимся и тогда посмотрим... – Он многозначительно выставил в воздух указательный палец. – ...кого судьба вза-сос поцеловала.

Генка неуверенно встал с табурета, оперся на плечо Мухи. Качаясь, подошел к белому артельному буфету, непонятно как попавшему в казенно-кафельную обстановку. Открыл скрипучую дверцу шкафчика и выудил оттуда жестяную банку с надписью на крышке «Чай грузинский. ЭКСТРА». Потряс банку над ухом, безжалостно высыпал из нее остатки чая на стол:

– Сюда спрячем! Юлька, рви свой преЙскурант на четыре

части.

Я села на кушетку, скрестив под собой ноги, послунявила карандаш. Задумалась над мечтой. В художественное училище я пошла за компанию с подругой, потому что та грезила профессией художника-дизайнера. А я до сих пор не знала, чего хочу. Муха, ухмыляясь и гыкая, что-то строчил на клочке бумажки. Генка – тоже. Костя написал быстро, не задумываясь. Везет, думала я, у них есть мечта. Стало обидно до слез – наверно, водка так подействовала.

Потыкала карандашом пластырь, скрывающий дырку в дерматине кушетки. И вывела на листочке: «Хочу выйти замуж». Потом поставила точку и добавила: «За Костю».

После того как чайная банка со скомканными «мечтами» отправилась обратно в шкафчик, Муха снова наполнил стаканы:

– Ну, поехали. За что пьем?

– У нас в казарме пьют за то, чтоб не погружаться на максималку, – откликнулся Костя.

– Не понял, – поднял брови Муха. – Объяснись.

– Приказ лечь на дно – это капец. Это чрезвычайка. Всплыть уже никак. Невозможно. Просто ждешь чуда. Что спасут.

– Идет. Чтоб всегда всплывать, значит.

Чокнулись. Муха крикнул. Генка шумно выдохнул, уронил голову, запустив пальцы в шевелюру, и почему-то всхлипнул.

– Ш-ш-ш, пацаны... – Костя повернул голову в сторону дверного проема. – Там кто-то ходит.

– Где? – Генка продолжал всхлипывать.

– В коридоре.

– Да ладно, не гони. Там одни жмурики, – протянул лениво Муха, но все же прислушался.

Из коридора доносилось шлепанье – будто босыми ногами по кафелю. Потом скрип железной двери – хлоп! И все затихло. Генка перестал всхлипывать, вытер рукавом покрасневшие глаза. Муха с Костей уставились друг на друга.

– Кажись, на сегодня хватит. – Муха неловко поднялся со стула, тот закачался и с грохотом рухнул. – Глюки. Перепили.

– А это куда? – Генка грустно кивнул на недопитую бутылку водки, стоящую среди пустых.

– В холодильник. Утром пригодится. – Муха потянулся к бутылке, но неудачно – она упала.

Генка с тоской следил за лужей, медленно растекающейся по столу. Я направилась в угол комнаты, к широкой коренастой тумбе.

– Зачем это? – кивнула на печатную машинку.

– Аааа... На помойке нашел, – сказал Генка. – Правда, двух клавиш не хватает. Но и у меня, как видишь, – он показал свою кисть и хохотнул, – как раз двух нет. Так что, у нас с ней пар... па-ри-тет.

У Генки действительно не было двух пальцев на руке. По-

терял, когда пятиклассником откопал гранату на Муринском ручье и решил ее разобрать. Посмотреть, что внутри. Еще легко отделался. Кстати, с тех пор он Генка-минер.

– Что-то печатаешь? – поинтересовалась я.

– Так... Иногда в голову мысли полезут – сяду, печатаю.

Я ушла спать на кушетку. Последнее, что запомнила, проваливаясь в сон, – как Генка в углу стучал на пишущей машинке, периодически чертыхаясь. По пьяни, сказал, жуткое вдохновение накатывает. А Муха с Костей погрузились в философские темы:

– Где граница между добром и злом? – Заплетающийся голос Мухи.

– Добро, Лешка, заканчивается на деньгах...

– Вот не пойму, Костя, Мавроди – он финансовый гений или нет? Генка говорит, что гений. А ты как думаешь?

– Дай сто рублей. Я только поддержку и отдам.

– Точно?

– Точно.

– Ну, на.

– А если не отдам, то я – финансовый гений?

Наутро меня разбудил какой-то звон и шум. Открыла глаза, приподнялась на локте. Поняла – шумит в голове, звенит снаружи. Кто-то долго давил на входной звонок, будто палец приклеил и не мог отод рать. Потом колошматили по металлической двери – вероятно, ногой. Костя уже или еще не спал. Муха лежал бревном на сдвинутых в ряд стульях.

– О-оох, – заохал Муха, стулья под ним закрипели. – Генка-а! Ты где? Отопри... кого там несет... дьявол... Геночка-а!

Костя взял стакан со стола, направился к умывальнику – довольно большой и глубокой раковине, в которой при желании и труп можно помыть. Налил воды, протянул стакан Мухе:

– Нет Генки. Ни свет, ни заря убежал за «Русской». Наскреб шесть тысяч и убежал.

Муха, отмахнувшись от стакана, опять замычал.

Пришлось нам с Костей встречать посетителей. Я быстро смыла с лица остатки самоутверждающего макияжа. Костя шепнул, что я красивая и беззащитная. Над раковиной висело зеркало с чернеющими краями. Глянула в него – бледная кожа, немного опухшие веки и косящие глаза. Что тут красивого? Смутилась и сказала как можно равнодушнее:

– Пойдем откроем, а не то дверь выломают.

Посетителей было двое. Типичные бандиты. Один – смугловатый, с копной черных волос и крючковатым носом. Все время нервно подмигивал и улыбался. У другого – шрам от уголка рта до уха, с небрежными следами работы хирурга. Из-за шрама казалось, что этот тоже улыбается. Но улыбка была мрачная и вызывала страх. Вдобавок у него был нос набекрень – с ломаной костью.

– Извините, – сказал Мрачный и сплюнул через дырочку на месте отсутствующего зуба. – У вас тут наш коллега задер-

жался. Василий Гнедой. Вот документики. Просим выдать.

Смугловатый подмигнул и улыбнулся, обнажив зуб из желтого металла.

К счастью, в дверях появился Генка. С «Русской» в руках. Быстро, по-деловому проверил документы у Мрачного. Заглянул в журнал учета. Сказал – минуточку! И скрылся в глубине морга.

Смугловатый окинул взглядом Костю:

– А ты что прифрантился, фраер? В форме и с автоматной рожей.

– Так надо, – спокойно ответил Костя.

– Надо, гришь... А ты зырил кинишку такую – «Охота за Красным Октябрем», мать его?

– А что такое?

– Так вот, чтоб ты знал. Капитан – гнида.

Тут вернулся Генка. Растерянный. Мельком взглянул на нас с Костей:

– Не могу найти уважаемого покойника... Был, судя по журналу учета... А нету...

– Пардоньте, – вкрадчиво сказал Мрачный и сплюнул. – Я человек вежливый. Но можно поинтересоваться – как это «нету»? У нас все готово – памятник, гроб, место на кладбище. Кто ответит?

– Блудняк, – согласно подмигнул Смугловатый.

Достал из кармана ножик, повертел его и спросил:

– Дурь, что ли, приняли?

– Мы отыщем, – спохватился Генка, уставившись на ножик Смугловатого. – Бывает, затерялся.

– Обязательно отыщем! – дружно кивнули мы с Костей.

– Ну-ну. – Смугловатый обнажил желтый зуб. – Блесните чешуей. Не то закопаем вместо Васи.

Братки оставили костюм для Васи Гнедого – красные брюки и пиджак из рыжего бархата. Дубовый гроб с золотыми вензелями, покрытый темным лаком, поставили в траурный зал. Дали нам час жизни. Муха пришел в чувство после спасительного глотка «Русской». Сказал, что помнит Гнедого, лично принимал его, жмурик «свежий». Отправились еще раз все осмотреть, проверить.

Мы вошли в помещение, где было шестнадцать оцинкованных столов. Почти все заняты. Покойники накрыты простынями. Кого в первые два-три дня не забрали – лежали в больших холодильных камерах.

Потолки в помещении высокие – метра четыре. И очень яркий белый свет. Запах, конечно, не из приятных. Я прикрыла рот и нос воротом от джемпера. Генка с Мухой удивились, что в обморок не упала, и вообще – все воспринимала спокойно. Только ежилась от холода.

Муха проверил бирки на лодыжках у мертвецов и подтвердил – Васи Гнедого нет. Задумчиво потер лоб:

– У него татуировки еще были. Вот здесь – восходящее солнце. – Муха показал на тыльную сторону своей ладони. – Как у моего дяди. Поэтому и запомнил. Над лучами набито

ЖДАЛ ТЕБЯ, а на пальцах – ВАСЯ... Ребята! Ночью кто-то бродил, помните?

– Может бродил, может нет... – засомневался Генка. – Думаешь, ожил чертяга и сбежал? Бывает, конечно. Хотя-а... Кто нам поверит?

– Да-а... Бандюги вряд ли поверят, – согласился Муха.

– Пришьют раньше, чем пискнешь «мама». И закопают, – предположил Костя. – Что делать-то будем?

Тут мне пришла в голову идея. Выдать за Васю кого-нибудь из «отказников» – из тех, что в холодильных камерах. Все равно им дорога в братскую могилу, подсказала я.

– Гениально! – похвалил меня Генка. – Есть тут один, уже неделю как. Не сегодня, так завтра списали бы.

«Отказником», судя по бирке, оказался некий Сергей Ивашечкин.

– Чё с лицом у него? – спросила я. – Как из фильма «Челюсти»...

– Долго лежал. Когда долго – дурнеть начинают, – ответил Генка.

Муха привел его в порядок, исполнив санитарные обязанности. Я вызвалась намалевать тату – как у Васи Гнедого. Фломиками, тушью. Этого добра у меня полно в сумочке, впрочем, как у любой студентки художки. Не отличишь от настоящей наколки, пообещала я. Спросила только у Мухи про цвет и расположение.

– На левой руке, – вспомнил он. – ВАСЯ – по букве на

каждом пальце, кроме большого.

– А солнце какое?

– Ну, какое... Примитивное, как на детских рисунках. Полукруг и стреляющие лучи.

Возилась я недолго. Только командовала, как хирург в операционной: «Салфетку!.. Так... Тальк есть? Давай!.. Теперь лак для волос – я видела его, вон там на полке... Готово».

Получилось, на мой взгляд, хорошо:

– Даю гарантию. Полгода.

Костя восхищенно присвистнул – ну ты, Юлька, талант!

– С рожей как поступим? – спросил Генка. – Муха, он похож хоть немного на Васю?

– У того была морда круглая, как тыква. Ну, и этот... тоже мордастый. И тоже лысый. Что-то около того.

– Может, пакет на голову? И все тут. Скажем – так прибыл. А что? Уже было такое, нюхача прямо с пакетом на голове привезли, – предложил Генка.

Так и сделали. Нарядили покойника в костюм, оставленный братками. Руки на груди замком сложили. На голову приспособили пакет «Марианна» – тот, что с изображением героини сериала «Богатые тоже плачут». И – в гроб, в траурный зал.

Братки вернулись через час. Мрачный, сплюнув, вежливо поинтересовался, почему на коллеге пакет. Генка, не моргнув глазом, ответил – как приняли, так и возвращаем, но па-

кет лучше не снимать, там ужас-ужас. И предложил сразу гроб заколотить. Смугловатый даже подмигивать перестал – вылутился на покойника. А что там увидишь? Пакет с женщиной в шляпе, рыжий бархатный пиджак, руки замком и – всё. То, что ниже – покрывалом прикрыто. Братки, заметив знакомые тату на руке приятеля, успокоились. Но все же сказали, что заминку надо бы отработать.

– Как? – спросил Костя. – Денег у нас нет...

Смугловатый запел нарочито гнусавым голосом:

– «Рюмочка Христо-ова. Откуда? Из Росто-ова. Деньги есть? Нема. Значит, вам хана».

– Могу спеть на похоронах, – вдруг вызвался Муха, – под гитару. Хотите?

Мрачный оживился:

– «Кольщика» Круга умеешь?

– А то!

Мрачный направился было перекурить на воздухе, пока парни гроб заколачивают. Но у выхода вдруг остановился в задумчивости. Резко обернулся, подскочил к покойнику. Сорвал пакет с головы. И – отшатнулся. Аж на Смугловатого налетел. Оба с ужасом вытаращились.

Мы оцепенели. Я стала лихорадочно соображать, куда бежать – в дверь или в окно. Но еще не выбрала. Если в окно, мелькнула мысль, то надо вперед ногами.

В углу зала стояла авоська с продуктами – кто-то оставил. Сквозь сетку виднелись буханка хлеба и кефир в стеклянных

бутылках, с такой зеленой алюминиевой крышечкой. Костя схватил авоську и намотал концы сетки вокруг ладони.

Стоим в напряжении, молчим. Мрачный тоже молчит. Потом сплюнул, глубоко вздохнул:

– Запытали Васятку. Страсти какие. На себя не похож.

– Ничего, посчитаемся за кореша, – процедил Смугловатый.

– Эх, Васятка... – опять вздохнул Мрачный.

Муха, взяв гитару, уехал вместе с братками. А мы выдохнули. Генка сложился пополам от смеха. На него напала икота:

– Костян, зачем се... ик... сетку схватил?

– Чтобы орудовать, как кистенем.

Костя изобразил в воздухе движения в духе Жан-Клода Ван Дамма. Или Чака Норриса.

– Решил, первым буду бить того, что с золотым зубом. Представил, как подскочу к нему и ка-ак стукну по башке кефирными бутылками. По-моему, они должны были разбиться. На второго братка плана не было – не успел созреть.

Муха вернулся через три часа. В серой широкополой шляпе-федоре и черном макинтоше с поднятым воротником. Как гангстер из американского блокбастера «Лицо со шрамом».

– Ну что? Серьезные люди довольны? – спросил Генка.

– Еле живым ушел! – начал рассказ Муха. – Опустили гроб, землей засыпали. Священник – молодой такой, в ря-

се, – окропил могилку, все как полагается. Тут мне говорят – пой! Ну, я спел «Жиган-лимон», потом «Кольщик», потом уже свои собственные стал петь. И откуда ни возьмись – появляется он, в шляпе и макинтоше.

– Кто – он? – хором спросили мы у Мухи.

– Вася Гнедой. Как из-под земли. По щеке у него слеза бежит. Круто, говорит, поешь! И пальцем в меня тычет. За живое, говорит, взял. Оказывается, он все это время неподалеку сидел, наблюдал, так сказать, за собственными похоронами. Меня, значит, похвалил. А братву свою песочить стал – и в хвост и в гриву. Мол, что за хрень?! Почему памятник не в полный рост? Денег, гады, скупердяи, пожалели? Братки сначала обомлели, глаза выпучили на «мертвеца». Потом очнулись от шока и давай оправдываться – памятник, говорят, временный, над основательным ювелиры трудятся день и ночь. Через полгода, говорят, поставили бы какой положено – в полный рост, с брелоком от мерседеса, чин чинарем. А потом на меня накинулись – обманул, типа. Чье, сука, тело подсунул? Ответишь! Ну все, думаю, хана. Сейчас здесь и закопают. Но Вася Гнедой заступился, сказал – парень отработает творчеством в ресторане, когда воскрешение будем праздновать.

– Гады! – выругался Костя.

– А шляпа с плащом у тебя откуда? – спросила я.

– Гнедой подарил. За «Кольщика».

Но на этом история не закончилась. Оставался еще один

день Костиной увольнительной. И мы снова заночевали в морге. А утром пришла старушка – небольшого росточка, сморщенное худое лицо, стоптанные туфли. Всё платком глаза вытирала. Попросила выдать ей сына – Сережу, чтобы похоронить. Оказалось, это тот самый Сергей Ивашечкин, которого отдали браткам вместо Васи Гнедого.

– Что ж вы так долго не забирали, бабуля? – возмутился Муха. – Морг не может так долго хранить тела. Не положено.

– Ладно, ладно. Пойдемте чаю попьем. Устали, наверное? – Я бросила выразительный взгляд на Муху.

И, приобняв старушку, отвела ее в санитарную.

– Я чего ж, ребята, не приходила... – Старушка сокрушенно качала головой, прихлебывая чай из кружки. – Боле-ла я. Так-то.

Генка вздохнул и отправился в угол, к печатной машинке. Застучали клавиши.

– Это ничего, – сказал вдруг ободряюще Костя, присев на табурет рядом со старушкой. – Ничего страшного. Вы только не волнуйтесь. Похоронили мы вашего Сережу. Хорошо похоронили, по-богатому.

Генка перестал печатать.

– Покажем могилку, а? – продолжил Костя, обращаясь к Мухе.

На кладбище мы отправились все, кроме Генки, – кому-то надо было остаться на хозяйстве, то есть в морге. Могила была большая, с шикарной кованой оградой. Вдоль ограды –

много венков с атласными лентами. Стояла тихая ясная погода. Только птицы вдалеке перекликались, перелетая с дерева на дерево. Хорошо, что памятник временный, подумалось мне, без надписи.

– Здесь ваш Сережа и упокоился, – произнес Костя, пихнув Муху локтем в бок.

– Да-да, здесь, – поспешил подтвердить Муха.

Старушка несколько раз перекрестилась, вытерла платком глаза. Посмотрела снизу вверх на высокий памятник – бюст на дощатом постаменте – и говорит:

– Ну вылитый Сережа! Ой, спасибо, ребята! Ой, спасибо, – благодарила она.

И, снова взглянув на здоровенный памятник, добавила:

– Только лучше бы крест...

Вскоре Муху позвали «отрабатывать творчеством» на посиделках братков в ресторане. Всю ночь прохрипел под гитару, даже голоса на время лишился.

Братки были довольны, совали ему доллары. Но Муха денег не взял. Попросил место на кладбище переписать на мать Сергея Ивашечкина. И крест вместо памятника поставить. Сказал, что будет на их вечерах пахать, как раб на галерах. Братки прониклись и согласились.

Тем же летом, по окончании военно-морского училища, Костю отправили служить на Северный флот. На подлодку «Курск». Помню, Костя был счастлив. А я после истории с ожившим Васей бросила художку. Поступила в медицин-

ский институт. Теперь я хирург. И немного преподаю в колледже. О Мухе и Генке-минере долгое время ничего не слышала. Лишь долетали обрывки новостей.

Встретились мы через восемь лет. Только без Кости. Я как раз привела группу студентов в «наш» морг на практическое занятие. Муха с Генкой будто подгадали специально – ввалились в приемную. Все такие же, беспечные и нахальные. Я переволновалась – то смеялась, то плакала. И все расспрашивала – как и что они, как жизнь сложилась.

Леха Мухин стал популярным бардом, разъезжает с бесконечными концертами по городам и весям. Взял сценический псевдоним Граф, поскольку, покопавшись в родословной, нарыл у себя дворянские корни. Был трижды женат.

Генка-минер поймал успех – первый же его роман «В морге» разлетелся полумиллионным тиражом. Часть гонорара они с Мухой прокутили в барах, остальное вложили в «верное дело», но быстро прогорели. Генка продолжил писать. У него вышел «Ночной губернатор», затем «Ночной губернатор. Воскрешение». Уже не такими сумасшедшими тиражами, как в девяностые годы, но все же.

За разговором вспомнили про жестяную чайную банку. Удивительно – она так и стояла, в глубине шкафчика белого буфета, с нашими мечтами внутри. Мы разворачивали скомканные листочки, читали, подтрунивали друг над другом. У Мухи большими буквами нацарапано – стать нефтяным магнатом. У Генки – жить на Тибете среди монахов. Когда

развернули мою «мечту», Муха спросил – ты, правда, хотела замуж за Костю?

А на Костиной бумажке было написано: «Увидеть утреннюю зарю за Полярным кругом. Думаю, она такая, как Юлька. Необыкновенная».

– У Кости исполнилось, – сказал Генка.

И добавил:

– Вот кого судьба поцеловала. Поцеловала так поцеловала...

В этот момент в морге возник какой-то переполох. В открытую дверь санитарной комнаты просунулась испуганная голова студента:

– Юлия Михална! Говорят, труп пропал...

София Парипская

Диагноз

Четверг – вполне приятный день, говорящий о скором окончании рабочей недели, но именно он не задался с утра.

Во-первых, разругался с женой из-за того, что пришел поздно, а утром убежал ни свет ни заря. Ну как объяснить ей, что фирма наша хоть и большая по оборотам, но еще плохо структурирована. Формально мы совместное предприятие с финнами. СП – нынче такая модная аббревиатура. А по факту мы просто компания друзей, которые между собой считаются «дольщиками». Такая лихая компашка флибустьеров в штормовом море свободного предпринимательства, и я захотел участвовать в этих приключениях. А за спиной осталась целая жизнь хирурга Военно-медицинской академии.

В принципе, мы создали, сами того не понимая, прообраз акционерного общества, но юридически доли не были закреплены за участниками. Мое офицерское нутро противилось этой неразберихе, и правило Суворова, что каждый солдат должен знать свой маневр, у нас не работало. Так вот, отсутствие понимания у каждого из участников, что ему делать, заменялось постоянными совещаниями. Шефу легче вывалить проблему на всех, чем отвечать за собственные решения. И эти совещания длились бесконечно, а мне помога-

ло только то, что моя работа требовала постоянных встреч, следовательно, я не мог сидеть в офисе безвылазно. Но, вернувшись вечером в офис, я вынужден был прожить мой день повторно, рассказывая остальным дольщикам о том, что сделано. Ох, как я был горд, что я дольщик, тем не менее в моей голове постоянно крутилась модная фраза: «доля бывает и горькой». Совещания затягивались до глубокого вечера, и мои поздние возвращения домой, естественно, не вызывали положительных эмоций у жены. Хорошо хоть шеф был подшитый алкоголик, поэтому никаких выпивок не предполагалось, и это единственное, что устраивало мою супругу. Домой я всегда приходил трезвый.

Во-вторых, выезд на Невский с моей улицы Рубинштейна был перекрыт милицейскими машинами. Пришлось объезжать. Эти лишние маневры забрали минуты четко выверенного маршрута. На мои объяснения, почему я опоздал, шеф ответил:

– Да в курсе мы, только что по радио объявили, что Маневича застрелили у тебя там на улице. Большая шишка, председатель Фонда имущества города. Шуму будет много. Ну да ладно, к делам насущным. Деньги от питерского завода за водку по-прежнему не пришли. И если другим мы предоставляем спирт по предоплате, то здесь сумма товарного кредита, который мы выдали заводу по твоему настоянию, превысила все разумные размеры.

– Шеф, ты же понимаешь, почему я настаивал на этом. Ко-

нечно, ничто так не укрепляет доверие, как предоплата, но этот завод нам нужен. Водка, разлитая на этом заводе, хороша и по качеству, и по логистике. Опять-таки не надо забывать, что их марка раскручена, сбыт их продукции идет значительно лучше. Хотя в условиях водочного дефицита весь товар улетает. И все же.

– Короче, наступает время возврата кредитов, которые, кстати, оформляешь ты, и в банках ты лицо нашей фирмы. Вот тебе его и сохранять. Иди напрямую к Голубоглазому и решай вопрос с ним лично. Не хочу я обращаться к нашей крыше – они все равно договорятся с крышей Голубоглазого, и в результате половины денег мы не досчитаемся.

Все знают лозунг Голубоглазого: деньги отдают только трусы.

– Я настаивал на работе с Голубоглазым без предоплаты, чтобы убрать конкурентов, которые без предоплаты с ним не работают.

– Ну вот иди и докажи свою правоту, чтобы он с нами рассчитался.

Я чувствовал, что мои коллеги с внутренним удовлетворением наблюдали, как шеф отчитывает меня, потому что им от него доставалось постоянно, и видеть, как его недовольство выливается на другого, было приятно. Они не могли позволить себе иметь собственное мнение или возразить, поэтому моя самостоятельность в решениях вызывала у них определенное раздражение. У нас не было строгой иерар-

хии, но фактически все понимали, что я являюсь правой рукой шефа, хотя в отличие от них, которые были знакомы друг с другом более десяти лет, я вошел в их круг совсем недавно. Но был полезен, так как предыдущие годы работы в Военно-медицинской академии позволили мне обзавестись большим количеством выздоровевших пациентов, сидящих в нужных креслах в нужных кабинетах.

После совещания я пошел в свой кабинет. Пригласил к себе главбуха, чтобы сделать сверку задолженности Голубоглазого. Сумма меня поразила, я даже не мог себе представить, насколько она велика.

Познакомились мы с Голубоглазым больше года назад. Я приехал к нему на завод с предложением купить наш спирт, который мы возили из Финляндии. Охрана меня пропустила, сказали: или ждите у кабинета, или можете пройти вон туда на стройплощадку, он где-то там. Я предпочел пойти в сторону строящегося цеха. Было зимнее утро, на удивление вышло наше питерское редкое солнце, оно заливало серебром бетонный фундамент, подернутый инеем. Рядом стоял среднего роста лысоватый мужчина с пронзительно голубыми глазами, который с удовольствием смотрел на очертания будущего комплекса. Было понятно, что он видит новый цех уже законченным и лицо его светилось гордостью человека, который наслаждается результатами своего труда. Я начал рассказывать ему о качестве финского спирта. Он посмотрел на меня с легкой усмешкой и сказал: «Ты знаешь, мне вы-

годнее покупать наш картофельный. Если хочешь, чтобы я взял ваш спирт, удиви меня чем-нибудь». Я подумал и предложил, что часть оплаты мы будем забирать готовой продукцией. Он улыбнулся и сказал, что это интересное предложение. Я тогда смотрел на него и восхищался его уверенностью в себе, убежденностью в правоте своего дела. Он был настоящим хозяин.

– Вы, Константин, находитесь под гипнотическим влиянием Голубоглазого, – выдернула меня главбух из воспоминаний. – Я уже несколько раз напоминала вам, что задолженность растет, а вы от меня только отмахивались. Околдовал он вас, что ли.

– Да, я действительно поражен масштабом его личности. Но сейчас придется спускаться с небес на землю.

Я вышел из кабинета, тут меня окликнула секретарша и сказала, что мне звонят. Я взял трубку.

– Привет, Костя. – Я услышал голос своего сослуживца по прошлой работе, ставшего начальником моей кафедры. – Можешь помочь родной кафедре? Нам нужен компьютерный класс, с нашим академическим финансированием мы его никогда не дождемся. А твоя фирма богатая. Помогите.

– Алексей, ты же понимаешь, я должен обсудить этот вопрос с шефом. Это же не мои личные деньги. Надеюсь, что шеф пойдет мне навстречу, в конце концов, большинство людей, в чьих кабинетах мне приходится решать вопросы – это мои бывшие пациенты, которых я оперировал, будучи

вашим сотрудником.

– Будем тебе признательны, если вопрос решится положительно.

Запах медицины защекотал ноздри, хотя для меня это все в прошлом. На душе у меня потеплело, воспоминания о работе на кафедре на мгновение затмили мысли о возможности невозврата фирме большой суммы.

В офисе Голубоглазого обстановка производила двойное впечатление. С одной стороны, прекрасный интерьер, вышколенные сотрудники и секретарши, а с другой, чисто бандитские рожи замов, охранников, шоферов.

Когда я вошел в кабинет, его хозяин полулежал на диване. В его голубых глазах застыла боль. Он даже не поднялся навстречу.

– Здравия желаю!

– Привет!

– Что, страдаешь? Бандитская пуля?

– Да нет, хуже. Болит спина, отдает в ногу, а диагноз поставить не могут. Я где только не обследовался. Два месяца убил на немецких врачей. Денег потратил на это дело немерено. А толку никакого. Вот со дня на день жду решения консилиума в Гамбурге. – А что тебя беспокоит?

– Больно ты любознательный!

Я почувствовал себя врачом. Мгновенно превратился в человека, к которому обращаются за исцелением. Во мне появилась моя прежняя уверенность, вселяемая всем багажом

моей многолетней работы хирургом. Я подошел к дивану, и ситуация в кабинете изменилась, мы были уже не проситель и хозяин, а врач и пациент. Теперь я был главный в кабинете. – Какие обследования тебе делали?

– МРТ, доплер. Но причину пока не нашли. А я ходить не могу, сидеть не могу – даже лежать больно! Чем только не лечили, и от чего только не лечили – ничего не помогает. – Хозяин красочно описал весь свой симптомокомплекс: характер боли, когда возникает, куда отдает, после чего усиливается.

Я слушал, одну за другой отвергая возможные причины этой боли. В голове у меня щелкнуло, и диагноз стал понятен.

– Если хочешь, можешь выслушать мое мнение.

– А что ты можешь об этом знать?

– Вообще-то я хирург с двадцатипятилетним стажем. Так вот, у тебя правосторонняя запирательная грыжа.

– Чего?..

Не обращая внимания на скепсис Голубоглазого, я продолжил:

– Корешки спинного мозга проходят через грушевидную мышцу в запирательной отверстии таза, и когда эта мышца травмируется, она сдавливает корешки, отсюда и возникает болевой синдром. Лечение только одно: введение в мышцу ботокса.

– Ботокс? Что ты несешь?

– Да, именно он. Не все же девицам морщинки на лице расправлять. Пусть ботокс и тебе послужит.

– Ну конечно, так я тебе и поверил. Два месяца лучшие травматологи и хирурги Германии пытаются найти причину. А ты пришел, такой красавчик, поговорил – и за полчаса проблему решил. Не бывает так.

Я отошел к столу, сел и приготовился к основному разговору. Голубоглазый оживился:

– Скажи мне, эта твоя уверенность, твое «здравия желаю», ты что, офицер?

– Да, я полковник медицинской службы. Преподаватель кафедры военно-морской госпитальной хирургии Военмеда.

– Так что же ты здесь делаешь?

– Так масть легла. Я теперь занимаюсь бизнесом. Так сказать, в ногу со временем.

– Понятно. Но военный из тебя так и прет.

– Ну и что ты хочешь, тридцать два года выслуги со счетов не спишешь.

– И чего ты в барыги подался?

– Денег захотел. Жена из Америки приехала, рассказала, как там хирурги живут. Обидно стало, что мой труд достойно не оценивается. Решил зарабатывать другим способом. Оказалось даже интересно. Правда, не все так сладко, есть еще и такие экземпляры, как ты.

– А что я? Я просто использую ситуацию. Почему не покрутить чужие деньги.

– Я понимаю, что миром тебе деньги отдавать тяжело.

– Правильно понимаешь. На том стоим.

– Воевать с тобой мы не желаем, а денег от тебя получить хотим. Давай заключим пари. Если мой диагноз совпадет с результатом консилиума, ты нам деньги заплатишь и в дальнейшем рассчитываться будешь в сроки согласно контракта. Ну а не сов падет, тогда будем думать, как с тобой поступать дальше.

– Ну к войнам-то я готов. А в целом пари твоё принимаю. На том мы и расстались.

Я ехал обратно в офис и думал. Вот чертов Голубоглазый. Невероятная харизма. И как бизнесмен я ей поддался. А вот когда я стал ему нужен как врач, тут сила на силу пришлась. Тут мы стали на равных. Поэтому он и пари согласился заключить – почувствовал достойного соперника.

Вернувшись, я рассказал о содержании нашей беседы шефу. Тот рассмеялся и сказал, что я со своими интеллигентскими замашками могу общаться только с прежними коллегами-врачами, а здесь надо быть дерзким, острее отстаивать свою позицию. В конце концов, мы часть жесткого водочного бизнеса и если позволить с собой обращаться так, как этот Голубоглазый, то любому захочется нас опустить. Я, конечно, возразил шефу, что мои интеллигентские штучки его устраивают, когда я хожу в банк или в налоговую. Но, по сути, тот был прав: законы крупного бизнеса диктуют свои условия.

На следующий день, в пятницу, я крепко понервничал. Звонка от Голубоглазого не было. Мне все время представлялось, как тот позвонит и объявит: «Пацан сказал, пацан сделал». И ситуация разрешится миром.

Прошли выходные, в понедельник – тишина. Шеф смотрел на меня насмешливо.

– Ты отвечаешь за базар. Как видно, твой способ не работает.

– Худой мир лучше доброй ссоры. Я прошу у тебя неделю. Если за неделю вопрос не решится, тогда зови своих братков.

В среду шеф снова сказал, что мы тянем время, видно же, что толку не будет. Да и я все больше терял уверенность в успешном разрешении проблемы. Я снова и снова прокручивал в голове разговор с Голубоглазым. И вновь убеждался, что мой диагноз верный. Потому что врач ставит диагноз, как скульптор создает свое творение – отсекая ненужное. Я представил себе глаза начальницы кредитного отдела банка, которая ждет от нас процентов по кредиту. Она будет смотреть на меня и скажет: «А мы ведь вам доверяли». Слухи о том, что я и наша фирма не выполняем свои обязательства, разлетятся по городу очень быстро.

В четверг я все-таки заикнулся шефу о спонсорской помощи нашей кафедре. Но в моем голосе не было обычной уверенности. Я чувствовал вину за происходящее, и просить новых трат было, конечно, глупо.

Шеф глянул на меня и произнес:

– Что ж, действуем по твоей схеме: в случае твоей победы в пари с Голубоглазым – купим компьютерный класс твоей кафедре.

Я все глубже увязал в ситуации, когда решение вопроса требовало силы. Мне совсем не хотелось быть частью так называемой водочной мафии. Мне хотелось верить, что это такой же бизнес, как все остальные, как торговать компьютерами, одеждой или автомобилями.

Я ловил себя на мысли, что меня интересует состояние здоровья Голубоглазого не как способ решения вопроса. Меня просто интересует состояние моего пациента.

В пятницу Голубоглазый тоже не проявился. Неделя снова заканчивалась. Но позвонил старый приятель, директор Института травматологии имени Вредена:

– Наслышан, что ты теперь бизнесмен. Помоги мне – нужно купить импортное медицинское оборудование, сам знаешь какое: УЗИ, МРТ.

– Я торгую водкой, медоборудование не в сфере моих интересов.

– По старой дружбе помоги, пожалуйста! У меня есть спонсоры, а вот контракты, валюта – это для меня все незнакомое, я боюсь, что меня могут кинуть.

– Могут! Ладно, узнаю! И если найду поставщиков – помогу. Но ты же понимаешь, что это огромные деньги.

– Мы лечим футболистов большой госкомпании, и они денег не пожалеют. Грех не воспользоваться. – Постараюсь.

Червь сомнения зашевелился в моей груди. Почему я занимаюсь водкой, а не медицинским оборудованием? Может, этот звонок – сигнал свыше. Я прекрасно понимал, что производство и торговля водкой не самое благородное дело. Но себя я оправдывал тем, что своей качественной продукцией мы вытесняли с рынка палёнку. За время занятия бизнесом я получил как бы второе образование, экономическое. И понял, что уже смогу самостоятельно определять тактику и стратегию бизнеса вообще. Еще я понял, насколько значимы в бизнесе личные контакты, а учитывая, что большинство руководителей медицинских учреждений были моими хорошими знакомыми, грех было не попробовать себя в поставках медицинского оборудования. Прибыльно и благородно.

Наступили еще одни выходные, которые обычно были отдушиной после насыщенной недели, но в этот раз мысль, что пари проиграно, отравляла все удовольствие от общения с семьей.

Если Голубоглазый откажется рассчитываться за спирт, то вся история перетечет в долгий судебный процесс. Адвокаты-сутяги замотают дело. Подключатся бандиты – и пошло-поехало. И придется быть в центре всего этого. Меня передегивало от этих перспектив.

В понедельник на совещании шеф вообще не вспомнил о задолженности Голубоглазого. А где разнос? А где оперативный план действий в случае невозврата долга? Шеф спокойно говорил о поставках следующих партий спирта. Все

это меня взбесило, я вскочил и резко заявил, что не надо меня так уж игнорировать. Да, я настаивал поставить крупную партию спирта Голубоглазому, потому что у него современный завод и водка высокого качества.

– Угомонись, сегодня в девять утра бухгалтерия увидела на счету деньги от Голубоглазого, – как ни в чем не бывало бросил шеф и перешел к обсуждению других вопросов.

– Значит, деньги вернулись! И я фирме ничего не должен?

– Ты чего хочешь? Аплодисментов? Их не будет. Был твой косяк, ты его исправил.

– У нас нет претензий друг к другу?

– Пожалуй, нет!

– Считай, что наша совместная работа закончена. Честь имею!

И я гордо, почти строевым шагом, на глазах изумленных участников совещания вышел и громко хлопнул за собой дверь.

Грохот двери был созвучен всем тем эмоциям, которые меня переполняли всю предыдущую неделю. Я подумал, что обязательства свои перед фирмой я выполнил и здесь меня ничто больше не держит. Пора выходить на собственную дорогу.

Вечером я напринимался коньяку, меня мучила неизвестность, я не знал, что заставило Голубоглазого вернуть нам деньги. Еще мое врачебное нутро глодал интерес, подтвердился ли мой диагноз.

Поздно вечером зазвонил телефон, и сквозь коньячный шум я услышал голос Голубоглазого: «Невероятно, но ты оказался прав. Именно к тому диагнозу, который ты мне поставил, пришли все эти западные светила после моих двухмесячных мучений. А ты, получается, умнее и опытнее их всех. Знаешь, я думал, что ты обычный барыга, торгующий спиртом, а ты, оказывается, классный врач да к тому же рискованный мужик. Не побоялся заключить пари на свои миллионы. Ну так вот. Я пацан правильный. Деньги у вас на счету. Слово свое я сдержал».

А мою долю в компании я получил компьютерным классом для своей кафедры.

Виктория Медведева

Наши встречи

Очередь двигалась медленно. Ну, ясно, касс не меньше пяти, но работает одна. Николай переминался с ноги на ногу, периодически поглядывая на часы, и от нечего делать украдкой рассматривал покупателей.

Очередь была тусклая. Почти у всех на лицах отражалась усталость и желание быстрее покинуть надоевший универсам. После работы всем хотелось одного – поскорее домой.

Неожиданно внимание Николая привлекла миниатюрная женщина, вынырнувшая из рядов с зеленью. Она наклонялась к витринам, вынимала оттуда пакеты, крутила их в руке и бросала в большую тележку, которую катила перед собой. При этом постепенно наполнялась исключительно передняя часть корзины. А так как в этом магазине тележки имели только две штанги, расположенные у самой ручки, при неправильном распределении продуктов центр тяжести смещался, и вся конструкция становилась крайне неустойчивой.

Только Николай успел об этом подумать, как произошло то, что было абсолютно неизбежным – женщина бросила в корзину большой пакет с овощами, и... Тележка по всем законам физики клюнула носом и перевернулась. Женщина

взмыла в воздух, упала и «рыбкой» заскользила по мраморному полу прямиком в очередь, а конкретнее, под ноги Николаю. Получив подсечку, он неуклюже повалился рядом.

Продукты хаотично разлетелись по магазину. Сочувствующие бросились собирать пакеты, а Николай попытался встать сам и помочь подняться незадачливой покупательнице. Но это оказалось весьма трудным делом, потому что потерпевшая сидела на полу и хохотала, роясь у себя в карманах. Наконец, ей удалось выудить белый носовой платок, которым она вытерла слезы и, продолжая икать от смеха, принялась извиняться.

– Да ничего страшного. – Николай поднял женщину, подхватив ее под локти. Сделать это было просто, потому что ноша оказалась очень легкой.

«Не мудрено, что она так полетела, – мелькнуло в голове, – пушинка настоящая».

Тем временем добрые зрители собрали продукты и опять же в полном беспорядке уложили их в корзину.

Судя по всему, центр тяжести вновь не был найден, потому что, как только женщина взялась за ручку, события повторились с неприличной циничностью.

Только теперь все это происходило в непосредственной близости от Николая, который никак не ожидал повторного столкновения и не успел отскочить. Так что и женщина, и пакеты с картошкой, и замороженная курица, и бутылка с кефиром, и прочие мелочи – все это повалилось на него.

И произошло это настолько быстро, что, снова оказавшись на полу, парочка не сразу пришла в себя. Половина очереди покатывалась со смеху, вторая же половина, мрачная и неприступная, хранила злобное молчание. Все-таки тележка явно имела какой-то дефект. Ведь остальные покупатели благополучно отоваривались, и ничего страшного с ними не случилось.

Какой-то воспитанный молодой человек предложил неудачливой покупательнице больше не испытывать судьбу, не укладывать по новой продукты, а сразу пройти на кассу, перед ним. Почти никто не возражал.

Кассирша равнодушно назвала женщине сумму и обратила взор на следующего.

Покупательница расплатилась, подхватила большой пакет и направилась к выходу. Там она оглянулась, улыбнулась Николаю и исчезла за дверью.

Николай, перед которым стояло еще человек шесть, тронул за рукав полную женщину, которая показалась ему самой доброй:

– Товарищи! Пожалуйста, пропустите. У меня там... у меня собака на улице привязана.

– Люди! Пропустите его, – понимающе кивнула женщина, – он ведь пострадавший. Может, стукнулся. Пусть идет. Да у него и всего-то один кефир да хлеб.

– Спасибо! – Не дожидаясь согласия очереди, Николай бесцеремонно пробрался к кассе, чего ранее никогда себе не

позволил бы, ни при каких обстоятельствах.

Выскочив на улицу, он огляделся. Неужели успела уйти? Нет, вон она. Перекладывает продукты из пакета в сумку на колесиках. Увидев Николая, женщина засмеялась и замахала руками.

– Ой, извините еще раз! Лучше уж и не подходите, вдруг я опять свалюсь. Видно, день у меня такой. – Ну что вы! Подумаешь, небольшое приключение. Это конструкция такая у тележек. Должно быть четыре штанги, а у этих две. Все экономят. Наверное, кто-нибудь премию за это отхватил. Разрешите представиться? Николай.

– А я Анна. Мы, вроде, уже близко познакомились. Там, на полу. – Анна улыбнулась. – Нет, ну надо же! Ваш кефир хоть не разбился?

– Нет, целехонек. – Николай приподнял свой пакет. – Хорошие бутылки у нас делают, прочные. Ваш-то тоже цел.

– Ага. А вы знаете, я в этом магазине никогда раньше не была. Тут недалеко моя подруга живет. Я у нее в гостях была. Иду мимо, дай, думаю, зайду. – А я каждый день захожу. После работы. Но сегодня первый раз поход получился такой веселый. Обычно все довольно скучно проходит.

Анна опять засмеялась.

– Ой, а со мной наоборот, то и дело что-нибудь случается. Но чтоб так свалиться при всем честном народе – тоже впервой. А вы заметили, какая кассирша тут мрачная?

– Да она за день такого насмотрится, что ей уже не до сме-

ха.

– А что, вас тоже без очереди пропустили? Я хотела вас подождать, чтоб еще раз извиниться, но не ожидала, что вы так быстро выйдете.

– А я сказал, что у меня на улице собака привязана.

– Собака? – Анна захохотала, достала свой белый платочек и приложила к глазам. – Не к добру я столько смеюсь.

– Вам далеко идти? Могу вас довезти. У меня машина здесь, во дворе. Я в этом доме живу.

– Да вообще-то у меня сумка на колесиках. – Анна показала на сумку. – Надеюсь, эта не перевернется. Мне за бульвар. Но если у вас свободный вечер...

– Вот именно, свободный. Давайте ее сюда. – Николай подхватил сумку.

Во дворе не горел ни один фонарь.

– Вон мой мерседес, зеленый. – Николай показал на небольшую стоянку. – Фирмы «Москвич-407». – Нет, серьезно? – Анна всплеснула руками. – У моего папы был 407-й. Только серый.

– Вот так-так! – Николай присвистнул. – А мне от моего достался. Но я его немного освежил. В смысле двигателя и еще кое-каких улучшений в салоне.

– Сам? – удивилась Анна.

– Ну, да, я инженер-автомеханик. Так что знаю толк в этом деле.

Они подошли к машине.

– Я мигом. – Николай поставил сумку Анны возле «москвичка». – А вы посидите тут, на лавочке. Я за ключами схожу, заодно кефир оставлю.

Через несколько минут Николай пришел с ключами и маленьким цветочным горшочком.

– Небольшой утешительный приз, – он протянул ей горшочек. – Это лимон. Просто он еще маленький. Но обязательно даст плоды.

– Какой симпатичный! Спасибо. Как только он даст плоды, я приглашу вас на чай, – засмеялась Анна. – Вообще-то утешительный приз должна вам я.

– Вот этот чай и будет призом. – Николай уложил Анину тележку в багажник и галантно открыл переднюю дверцу:

– Прошу.

Анна приподняла полу воображаемого кринолина и нырнула в «москвич».

– Будто в детство попала. Нас с сестрой родители каждое лето на машине на юг возили.

Выехав из двора, Николай кивнул в сторону бульвара:

– Туда? А может быть, и у вас вечер свободный? Можем по вечерней Москве прокатиться.

Анна задумчиво наклонила голову.

– А вы знаете, и у меня как раз свободный. Я с удовольствием покатаюсь.

Какое-то время ехали молча. Анна вздохнула:

– Когда родители возили нас на юг, мы с сестрой сидели

на заднем сиденье и пели. Эх, дороги, пыль да туман, холода-тревоги, да степной бурьян. – Она тихонько напела. – Еще арии из опер и очень много романсов.

– Вы любите музыку?

– Музыку? – Анна погладила нежный росток лимонного дерева. – Конечно. Вообще, я помрежем работаю в оперной студии при консерватории.

– Вот это да! И у вас в студии оперы ставят? Или только учатся отдельные арии исполнять?

– Конечно, ставят. В нашей студии сам Лемешев преподавал, ставил «Евгения Онегина».

– А я вот прошу сына со мной на оперу сходить, у меня сыну двадцать, так он не соглашается. Пока жена была жива, с ней часто ходили.

– Так вы оперу любите? – Анна с интересом посмотрела на Николая. – Теперь можете хоть весь репертуар прослушать. Нет ничего проще. Я вас проведу.

– Вот и договорились. Спасибо.

– А что это у вас? – Анна потрогала круглые ручки на панели. – Похоже на магнитола. Она ведь здесь не предусмотрена.

– Не предусмотрена. – Николай весело кивнул. – Но я же инженер! Встроил магнитола. Так что можем послушать. У меня кассет много. Посмотрите в коробке, на заднем сиденье. Но любимые здесь, в бардачке.

Анна открыла дверцу бардачка и достала две кассеты.

Прочитала надписи и, расширив глаза, уставилась на Николая.

– Что-то не так? – Николай мельком взглянул на Анну.

– В том-то и дело, что так! Это же Вертинский. Нет, так не бывает! И «Любэ». Вы не поверите, но я обожаю их! А у Вертинского что ваше любимое?

– «Наши встречи». – Николай в волнении провел рукой по волосам.

– Наши встречи – минуты, наши встречи случайны, но я жду их, люблю их, а ты? – пропела Анна.

– Я другим не скажу нашей маленькой тайны, нашей тайны про встречи-мечты, – слегка охрипшим голосом закончил Николай.

В этот момент «москвич» как-то странно кашлянул, задергался и встал. Улица была пустынна и темна.

Со злостью стукнув по рулю, Николай цокнул языком.

– Опять! Что же это я, расслабился, не посмотрел, когда садились.

– А что? Что случилось?

Вышли из машины.

– Неужели срезали? – Николай приподнял люк бензобака. Крышки не было. – Вот черти! Повадились во дворе бензин у всех подряд сливать. Я сделал крышку с секретом, так они срезали. И канистра пустая. Только залил из нее.

– Опять приключение! – Анна развела руками.

– Ну, теперь как-то нужно добраться до заправки. И ес-

ли повезет, и будет бензин... И, как нарочно, я в переулочек этот заехал. Здесь вовеки не дождешься никого. Хотел путь сократить.

– А далеко до заправки? – осторожно спросила Анна.

– Да километра полтора, на набережной есть. Аня, вы садитесь за руль, а я толкать буду.

– Ну уж нет! – Анна решительно обошла «москвич» и уперлась руками в багажник. – Поехали, будем толкать вместе.

– Аня! Не выдумывайте!

В этот момент раздался гул моторов, в конце улицы показались три мотоцикла. Подъехав со страшным грохотом, остановились. Мотоциклисты были одеты в черные куртки и шлемы с нарисованными черепами. Ничего хорошего такая встреча не сулила.

– Что, ребята, хотите помочь? – Николай закрыл собой Анну.

– Ага! – Один из парней заржал. – Вам от кошельков не тяжело? А то мы поможем.

Анна выступила вперед.

– Мальчики! Возьмите нас на буксир. А то у нас бензин закончился. Только до набережной довезите, а там мы уж как-нибудь сами.

Мотоциклисты захохотали.

– Ну да! – продолжал первый. – Именно за этим мы и приехали. Открывай багажник, папаша! А ты, тетя, лучше отой-

ди.

Николай сжал кулаки.

– Я тебе сейчас покажу «тетю».

– У нас в багажнике картошка. – Анна говорила со злостью. – Будете брать?

– Ладно, Серый, посмотри, что у них там в салоне.

Николай дернулся за ними, но Анна удержала его за рукав.

Тот, кого называли Серым, открыл дверцу.

– Ничего себе! Мячик, ты глянь! В таком барахле, и такая магнитола. Давай нож, выковыряю ее.

Второй достал из-за голенища сапога складной нож, щелкнул, лезвие выпрыгнуло.

– Держи, а я с пенсионерами тут побеседую.

Серый поймал нож и залез на сиденье. Слышно было, как он ковыряет панель.

Мячик с дурной ухмылкой приблизился к машине.

– Открывайте вашу картошку. Быстро!

Николай отступил назад, продолжая загораживать собой Анну. Открыл багажник.

Мячик нагло подошел и сунулся к сумке. Ловко подцепив бандита сзади за штаны, Николай с силой втолкнул его в багажник и зажал торчащие наружу ноги крышкой.

Прием был таким молниеносным, что Мячик не проявил никакого сопротивления и даже не успел выругаться.

И тут неожиданно взвывла милицейская сирена.

Серый выскочил из «москвича», чуть не упал, бросился к

мотоциклу.

– Валим! Менты!

Не дожидаясь подельников, третий, безымянный бандит рванул с места.

Серый врубил мотор на всю мощь и полетел следом. Мячик, вывалившись из багажника, похромал к своему железному коню и принялся его заводить. Наконец ему это удалось, и со страшным ревом он помчался вслед за друзьями.

Когда от них остался только сизый дым, Анна начала озираться.

– А где милиция-то? – Она пыталась перекричать сирену. Николай приобнял ее за плечи.

– Сейчас покажу. – Он подошел к водительской двери и залез рукой под сиденье.

Через несколько секунд сирена смолкла.

– Э-вуаля! Простая сигнализация!

Анна восхищенно покачала головой.

– Ну ты гений!

Николай заулыбался.

– Посмотрим, что он тут успел напортить. – Он сел на сиденье и склонился к магнитоле. – Ничего страшного. Несколько царапин. Ну что? Под «Любэ»? – Давай!

– Подожди, сейчас руль закреплю. И зажигание. – Николай вставил кассету. – Ну, раз-два, взяли?

*За столом засиделись не зря.
Глеб Жеглов и Володя Шаранов
Ловят банду и главаря!²*

Упершись в багажник «москвича», Анна и Николай пока-
тили вперед...

² Слова из песни «Атас!» группы «Любэ». Слова Александра Шаганова.

Артак Оганесян

Сборная библиотеки

10/09/90 16:47

– К молодому тренеру?! – У него взлетели седые брови. – Ладно, сгоняйте в соседний зал, второй тренер там.

Залы спорткомплекса ереванского университета располагались напротив друг друга, так что и пяти минут не прошло, как мы вернулись.

– Ну как, я помоложе буду? – рассмеялся мужчина.

– Да, тот совсем... – Я прикусил язык, чтобы чего не ляпнуть.

Он встал, опираясь на шведскую стенку позади скамьи. Хотя и сутулился, но все равно горой возвышался над нами.

– Вы точно в секцию баскетбола? Какой у вас рост, перwokлашки?

Нам бы, первокурсникам, обидеться, но вместо этого я доложил:

– Сто семьдесят один сантиметр! А Аро – сто шестьдесят. Я на прикладную поступил, а он – на мехмат. Мы из физматшколы. Там все играют в баскетбол.

– С чего вдруг?

– Нет футбольного поля. А в подвале повесили кольца и сделали разметку, правда, пол совсем разохся. А тут паркет

отличный! – И я носком кеда провел по гладкому покрытию.

– Гномы подземелья, – расхохотался Тренер. – Армяне, конечно, не самые высокие, но даже армян в баскетбол берут от метр восемьдесят.

– Почему это? Вон в НБА один из лучших игроков, Макси Богз, аккурат сто шестьдесят. Третий сезон за «Шарлотт» выступает. А Спад Уэбб из «Атланта Хокс» со своими ста семьдесятю был победителем конкурса по броскам сверху.

– Ишь, подкованный, – усмехнулся Тренер. – Смотришь Гомельского?

– Ага, ни одной его передачи не пропустил.

– Ну так иди в комментаторы.

– Мы пришли заниматься баскетболом, – заявил я. – Оба.

– Коротышки Винтик и Шпунтик, – хихикнул кто-то из ребят позади Тренера.

– Чип и Дейл, – назвал нас непонятными именами дылда с копной кудрей на голове, похожих на стружку.

Тренер минуту смотрел на нас, потом скомандовал:

– Марш в раздевалку! Еще раз увижу в уличной обуви на паркете – ноги переломаю.

08/10/90 17:53

– На сегодня харе! Капитаны – Ржавый и Медведь! – выкрикнул Тренер и сел на скамью, напротив центральной линии, чтобы начать судейство.

Он раздавал всем прозвища, чтобы не запоминать име-

на. Ржавый, потому что рыжий, а Медведь – косолап. К нам с Аро прилепились имена неведомых нам зверушек Чипа и Дейла.

Назначение капитанов было для меня любимым и ненавистным моментом тренировки. Любимым – потому что после упражнений начиналась игра. Ненавистным – потому что капитаны набирали свои команды, вызывая по очереди игроков. Последними оставались мы с Аро, то бишь Дейлом.

Из нас двоих капитаны предпочитали Дейла, хотя он и был ниже меня на одиннадцать сантиметров. Мы оба быстро бегали, я даже быстрее, но Дейл допускал меньше промахов. А это было важно, потому что мы были хороши только в контратаке: оторваться, поймать следом брошенный мяч и, пока не догнали, отправить в корзину. Стоило замешкаться, как нас накрывали высокие защитники.

08/10/90 18:11

Будучи отличным разыгрывающим, Ржавый отправлял меня вперед искать свободную зону. Оставалось только принять его точный пас и не оплошать под кольцом.

Как назло, я упустил – он слишком резко метнул мяч через всю площадку.

Тут же Тренер подозвал меня к себе:

– У тебя плохое зрение?

– Минус четыре, – пришлось признаться.

Только бы он не заглянул в медкарту.

– Тогда понятно, почему ты на дальние передачи реагируешь запоздало. Но в очках играть опасно.

– Карим Абдул-Джаббар носил специальные небьющиеся очки.

– Опять ты со своим НБА, – махнул на меня рукой Тренер. – Не различаешь мяч вдали, угадывай его движение по реакции других, заодно научишься видеть всю площадку.

14/11/90 17:26

– Летать! Учитесь летать! – гонял нас Тренер по кругу.

Требовалось разбежаться, прыгнуть и выполнить задание – хлопки спереди и сзади или перекладывание мяча из руки в руку – прежде чем приземлиться. Даже самый прыгучий из нас, Каучук, не справлялся.

– Эй, Чип, кто в НБА фантастически летает?

– Его Воздушество Майкл Джордан, – счастливый, что Тренер обратился ко мне, сообщил я.

– А вы не летаете, вы падаете. Только оторвались от пола и уже заваливаетесь, – гулко разносился под высоким потолком голос Тренера.

16/12/90 18:23

– Как тебе мой «небесный крюк»? – Кран, встав левым боком к щиту, правой рукой через себя перекинул мяч.

Кран (да-да, как строительный кран) был ростом за два метра, даже если примять его шевелюру а-ля Анджела Дэ-

вис.

– Не очень, у Джаббара мяч параболой летит, а у тебя... я не знаю, какой функцией это описать.

– Развел тут высшую математику, – буркнул Тренер.

– Кстати, мне родня из Штатов «Баскетбол таймз» прислала, – заметил Кран, – там есть статья про физику феномена Джордана.

Он еще упоминал видеосборник игр НБА. У меня не было видеоманитофона, чтобы нам с Дейлом скопировать. Стипендии и карманных денег, что родители давали, не хватало даже на кино и лагмаджо³. Все стало дефицитом: либо по талонам, либо по кооперативным ценам. Просить у папы с мамой не хотелось, они и так брали подработки.

01/01/91 19:59

– Дейл, ты видел? – позвонил я, как только по экрану пошли титры.

– Ага, Чип, бурундуки просто умора! – смеялся он мне в ответ.

– И голоса хохмачные!

По ЦТ впервые в переводе на русский показали диснеевский мультфильм про Чипа и Дейла. Теперь мы знали, с кем сравнил нас Кран.

22/01/91 22:01

³ Блюдо на манер итальянской пиццы.

После тренировки завалились с ребятами в «Эфир».

За стойкой хозяин кафе смотрел телевизор. Началась программа «Время», он потянулся выключить телевизор и застыл:

– Деньги меняют! – охнул он.

Но взял себя в руки, дослушал новость о денежной реформе, подошел к нам и предложил:

– Каждому, кто по своему паспорту обменяет мне тысячу, оставлю полтинник. Столько же каждому, кого приведете до пятницы.

– Ладно, гражданин Корейко! – воскликнул Вождь (в честь индейца, что играл в баскетбол в «Полете над гнездом кукушки»).

25/01/91 16:53

Сопроводив последнего «клиента» до университетской кассы, где нам обычно выдавали стипендии, мы с Дейлом пошли в «Эфир» подбивать бабки. Если в среду и четверг мы курсировали между разными корпусами универа и кассой, то сегодня с подачи Дейла смотались в общежитие и обнаружили там «золотую жилу». В отличие от ереванских студентов, тамошним не надо было менять купюры за родичей, и они были не прочь за пару червонцев сходить с паспортом к кассе.

Так что на Татьянин день мы сколотили, как Вождь пошутил, «эфирно-аферное» состояние.

02/02/91 15:32

Пришлось ждать неделю, пока в комиссионках появился товар. Мы с Дейлом приобрели себе видеодвойку «Сони». С ней и с кассетами «ТДК» заявили к Крану домой. Подключили наш агрегат на выход его телевизора, к которому на вход шли провода от его видека. И сели смотреть то, что перекачивали. – Как получу диплом, так сразу эмигрируем в Штаты, – сказал Кран.

– Везет же тебе, пойдешь на матчи НБА, – не отводя взгляд от экрана, вздохнул я.

«Булз» встречались в финале восточной конференции с «Пистонз». Хотя я знал результат этого матча двухлетней давности, все равно заново переживал за чикагцев и детройтцев.

– Мы в Лос-Анджелес, – сообщил Кран.

– Будешь болеть за «Лейкерс»? – спросил Дейл.

– Не, только за «Булз». Смотри, как они отбились от «Плохих парней»! Джордан – мощь!

Мы попивали неоновозеленый «Маунтин Дью», тоже из заокеанской посылки, и чувствовали себя так, будто сидим на трибуне «Чикаго Стадиум». Когда из динамиков доносился топот болельщиков по мосткам, мы втроем тоже принимались стучать босыми ногами по ковру у дивана.

12/02/91 14:32

Вместе с Краном и Дейлом мы потребовали в университетской библиотеке самый толстый англо-русский словарь. Но даже в выданном нам девяностого года издании Мюллера не нашли и половины слов, что встречались в статье с анализом полета Джордана.

Выяснили, что прыжок обычного человека от момента отрыва от пола до обратного касания занимает полсекунды. У баскетболистов бывало и секунду с хвостиком. А Мистер Воздух зависал максимум на 0,92 секунды. Но его слэм-данки казались такими долгими, потому что за это время он успевал сделать дюжину движений.

19/02/91 16:02

Нашей тройке понравилось в библиотеке. Если раньше после занятий мы разъезжались по домам и к пяти возвращались на тренировку, то теперь устраивались в читалке: уминали хачапури, перечитывали лекции и делали практику.

И на час раньше приходили в зал. На нашу удачу он был открыт и пуст. Не было только мячей. Ключ от кладовки с инвентарем был у Тренера.

Этажом ниже за дверью с табличкой «Атлетическая гимнастика» пыхтели культуристы. У качков мы одалживали набитый чем-то мяч для силовых упражнений и мучились с ним.

Нести его на вытянутой руке, как Мэджик Джонсон. Крутить его при броске двумя руками от колен, как Макси Богз.

Перекладывать из руки в руку в полете, как Майкл Джордан. И, конечно же, повторять крюк Абдул-Джаббара.

Ничего не получалось.

Минут за десять до начала общей тренировки спускались вниз, возвращали в тренажерку тяжелый мяч и шли в раздевалку. Там пили «Фанту» и подсыхали. С первым из пришедших ребят заново поднимались в зал.

01/03/91 17:38

Кроме двух игровых щитов в зале по бокам висели тренировочные. Чтобы подобраться к ним, отодвигали скамьи. Упражнялись парами или тройками.

Когда раздался свисток перехода к игровой части, Дейл закинул мяч за скамью. На мой удивленный взгляд он приложил к губам палец. В конце тренировки он перенес мяч в угол, где были свалены в кучу маты.

05/03/91 16:13

Мы кайфовали. В руках был настоящий баскетбольный мяч. Такой легкий и прыгучий после того, который мы брали у шварцнеггеров.

У меня стало получаться поднимать его в прыжке, почти как у Джонсона, и перебрасывать из руки в руку на манер Джордана. Попробовал крюк Джаббара и попал в дужку кольца, что не так плохо: раньше кидал ниже сетки.

– Смотри, как это делается, профессор НБА! – хвастал

Кран.

А какие выкрутасы выделявал Дейл!

Вот что никак не давалось ни мне, ни ребятам – так это летать.

12/03/91 17:43

– Все ко мне, – созвал нас Тренер после упражнений.

Тяжело дыша, вытирая пот со лба и откидывая налипшие влажные волосы, мы скучились перед ним.

– В конце апреля планируется межвузовский баскетбольный турнир. От университета будет восемь команд.

– А что так мало? У нас же семнадцать факультетов, – возмутился Медведь.

– Будем группировать: приматы и мехматы, филологи плюс журналисты и так далее.

Посыпались вопросы, но Тренер поднял руку, и в наступившей тишине объявил:

– Следующие полтора месяца я и второй тренер будем работать с двумя перспективными командами. Остальных прошу не обижаться. За кубок будут бороться сильные ребята из политеха, зоовета и, конечно же, физкульты.

15/03/91 11:37

После второй пары я забежал за Дейлом, и мы пошли за булочками.

– Я не приду в библиотеку, – сообщил он мне, когда мы

дошли до киоска.

– А на тренировку?

– И на тренировку тоже, все равно Тренеру не до нас. Да и всегда мы были для массовки.

Я онемел.

– Ребята, что брать будете? – спросила продавщица, взглянув из окошка.

– Не получится из нас баскетболистов, давай признаемся себе и не будем страдать фигней, – выпалил Дейл.

Во вторник комплектовали команды. Нас не взяли в сборную матфаков, даже в хвост скамейки запасных.

А ведь баскетболом заразил меня Дейл. Это с ним мы смотрели все выпуски «Лучших игр НБА».

15/03/91 16:55

В библиотеке я сидел один. Кран тоже не пришел, не знаю почему.

Я пропустил самостоятельное занятие и пошел на общую тренировку. Оказался единственным из тех, кто не вошел в сборные. В сторонке практиковал прыжки. Еще вполглаза наблюдал за тем, как Тренер отрабатывает с ребятами игровые комбинации.

– В таких кедах уродуешь стопы, – заметил Тренер, проходя мимо.

– У меня нет родственников в Америке, чтобы прислали «Конверсы», – намекнул я на Крана.

16/03/91 12:24

Пробегая по рядам вещевого рынка около стадиона «Раздан» и стараясь не наступать на разложенное вдоль аллеи добро, я не ожидал, что найду кроссовки «Авиа», рекламируемые звездами НБА, и уж тем более культовые «Найки Эйр». Но хотя бы на кеды «Два мяча» рассчитывал.

Отчаялся совсем, как вдруг наткнулся на белые кроссовки с лейблом «Голд Кап»: ничего «воздушного», но внешне – совсем как баскетбольные, с высокой поддержкой голеностопа.

– Отменный товар! – подскочил продавец, острой бородкой смахивающий на Хоттабыча. – Натуральная кожа, перфорация, в «Березке» из-под полы толкали бы. В такой обуви гравитация не действует – поверь мне, доктору наук.

19/03/91 16:16

Еле дождался вторника. Натянул на ноги новые кроссы и помчался в зал.

День становился длиннее. Можно было не включать освещение. Солнце светило наискосок, рисуя на полу ромбики сетки, которая защищала огромные окна.

Наскоро размявшись, я перешел к бегу. Кожаная с замшевыми вставками ткань бережно облегла стопу. Толстая эластичная подошва мягко пружинила.

Вместо положенных пяти кругов я пробежал два и кинул-

ся за мячом к пыльным матам. Пальцы обхватили пупырчатые бока с мелкими трещинками оболочки. Пару раз перекинул с руки на руку, чтобы вспомнить вес мяча. Попробовал отскок от пола.

И уже не удержался: рванул к щиту, разбежался в два больших шага и на третьем прыгнул. Приготовился к броску и... вдруг представил перед собой противника: рослого, долговязого, который легко заблокирует мою траекторию. В этот момент я, уже будучи в воздухе, развернулся, чтобы корпусом прикрыть мяч, перевел его с ведущей правой руки в левую и уже с левой отправил в корзину, обогнув воображаемого соперника.

Мяч, описав дугу и не задев кольцо, опустился в корзину приблизительно в тот момент, когда мои ноги коснулись пола. Я, не веря своим глазам, наблюдал за тем, как колышется потревоженная мячом сетка.

20/03/91 11:39

– ...именно в этот момент все сложилось. Я вдруг понял, что имел в виду Тренер и о чем говорилось в статье о Джордане, – уверял я Дейла и Крана на большой перемене. – Летать – это не «сделать много движений за доли секунды», а «продумать много вариантов»! Приходите в пятницу – поделюсь.

– Нас и так Тренер гоняет, я же в сборной, – виновато развел длинные руки Кран.

Дейл молча жевал свою долю «сникерса».

– Ну хотя бы загляните посмотреть, как у меня получается, – заманивал я.

22/03/91 16:43

Ребята не пришли. Я расстроился. Но обо всем забыл, стояло только надеть новые кроссовки и взять в руки мяч.

Под конец своей тренировки я решил пробить десять трехочковых подряд.

– Шесть попаданий из десяти! – победно крикнул я.

– И минус восемь диоптрий зрение, – напугал меня голос Тренера.

Я обернулся. Он сидел на своем любимом месте. – Ты меня обманул, Чип. Сказал, что минус четыре. Тебе медкомиссия в сентябре написала, что контактные виды спорта противопоказаны.

Я стоял, сжимая в руках мяч.

– А этот мяч ты украл и подставил меня как материально-ответственное лицо.

– Простите.

Хорошо, что ребята не пришли, достанется мне одному. Главное, что Дейл сможет продолжать свои тренировки, если все-таки решит вернуться.

– В зал больше ни ногой, – глядя мне в глаза, огорошил Тренер.

25/03/91 20:51

– Дейл? – удивился я, увидев товарища в дверях.

– Называй меня Аро. Извини, что так поздно. Просто опять не засну, если не выскажусь.

– Ты уже так высказался, что десятый день не видимся, – упрекнул я.

– Давай забудем этот баскетбол.

– Как забудем?

– Ну не сошлось же все на одном баскетболе? – махнул рукой Дейл... или Аро.

– А вот сошлось! – возразил я.

Я вышел из квартиры, чтобы не потревожить родителей, и на лестничной площадке продолжил:

– Все вокруг рушится! Митинги, забастовки, землетрясение, война, беженцы, очереди... Единственное, что хорошего за эти годы появилось – это баскетбол. Как мы с тобой смотрели игры НБА и... – Я осекся.

Не хотел, но признался:

– Тренер выгнал меня. А я так ждал вторников и пятниц, когда сначала в библиотеку, а потом в зал. Там часы на табло отсчитывают время из другой, особой жизни, понимаешь?

26/03/91 16:01

Дверь в тренерскую была приоткрыта. Виднелась часть стола, на котором соседствовали чашка с олимпийским мишкой и телефонный аппарат. Спиральный шнур от по-

следнего тянулся по диагонали вверх за кадр. А оттуда слышался голос Тренера:

– ...что-нибудь придумаем, или мы, или политех. Физкульт будет только рад выставить еще одну команду. Жаль, что не сможете... Хорошо, до свидания. Он положил трубку, появился в дверном проеме и, увидев нашу ораву, гаркнул:

– Почему не в зале?!

После вчерашнего нашего разговора Дейл поднял на уши ребят, и они всей секцией силком притащили меня сюда.

– Мы из-за Чипа, но... – начал Дейл неуверенно. – Извините, случайно подслушали. Какая-то из сборных отпала?

– Да, педагогический.

– А можно мы соберем команду?

– Кто – вы?! Его, – Тренер указал на меня, – я отстранил от тренировок.

– Тогда и мы все отстраняемся, – заявил Вождь.

29/03/91 16:01

На первую тренировку нас собралось семеро.

– Ну что, великолепная семерка, приступим! – вошел я в роль играющего тренера.

– Да, – кивнул Бампер (амортизатор нападающих). – С двумя на замену за период мы умотаемся в хлам.

– Тебе же не бегать, а останавливать, – пошутил Ламбада (из-за вертлявой походки).

Я повторял с командой простенькие комбинации, которые

подглядел у Тренера. Но ничего стоящего не выходило.

– Нас спасет только чудо, – вздохнул Дейл.

Меня осенило:

– Чудо?! На выходных идем к стадиону «Раздан»!

05/04/91 17:07

Слух об отборочном матче собрал раза в три больше ребят, чем ходило в обе секции.

– Ну что, Чип и Дейл, как договаривались, устоять один период против «Дрим Тим»? – спросил Тренер.

– Ага, не дать им набрать десять очков за это время, – уточнил я условие, которое он выдвинул нам неделю назад.

– В «Команду Мечты» войдут Ржавый, Медведь, Кран, Арматура и Вождь, на замену Сабонис и Каучук, – распорядился Тренер, грузно опустился на свое место, после чего добавил: – Семеро на семеро.

Только чтобы нас допустили к турниру, нам надо было дать бой лучшей семерке в универе.

– Тренер, спасибо, что выбрали меня в суперкоманду, но я с бурундуками. – Кран перешел на нашу сторону.

05/04/91 17:10

За первый бросок в центральном круге я даже не стал бороться с торчащими руками-прутьями Арматуры. Символически подпрыгнул, но зато сразу же выбил у него мяч, стоило ему начать ведение.

Дейл рванул вперед. Одной из более-менее отработанных схем был параллельный прорыв с передачами низом. Я так и поступил, дал пас через пол. И обратно так же получил мяч, будучи уже на подходе к трехочковой зоне.

Медведь, преследуя Дейла, упустил меня. Я беспрепятственно завершил первую атаку простым забросом. Мы с Дейлом обнялись бы на радостях, но мяч ввели в игру.

Окрыленный удачным началом, я метнулся на перехват. Помешать не удалось, но я напугал Вождя: тот неловко принял передачу и поспешил отправить мяч дальше. А дальше мяч оказался у нашего Бампера, который недолго думая навесил вперед. Дейл чертенком выскочил между двух защитников и схватил отскочивший от паркета мяч почти у торцевой линии. Шаг – и он добыл нам вторую пару очков.

05/04/91 17:14

Народ пришел позабавиться, посмотреть, как нас разделяют под орех. А теперь всю болел за нас. Я осознал это, когда нам назначили штрафной, и в ожидании броска все игроки застыли на площадке. На трибунах гудели.

– Бегите вперед, я подберу. – Кран подтолкнул меня и Дейла вперед.

Он так и сделал, среагировал раньше всех, взмыл в воздух и схватил отскочивший от щита мяч.

05/04/91 17:15

Звездная команда стала выходить из мандража. Ржавый сбивал темп, подолгу разыгрывая мяч. Дал своим время прийти в себя. Потом поднял руку с тремя открытыми пальцами – номер заготовки.

Пас Медведю, быстрый проход Каучука, навес ему, и тот перебросил мяч в нашу корзину.

Нельзя было давать им перехватывать инициативу.

05/04/91 17:19

Если бы Тренер не выкрикнул, что осталась минута, я бы не поверил, что время выходит.

Игра выровнялась, и я уже не знал, кто ведет. Но не мог отвлечься на табло, чтобы проверить счет.

И сейчас было не до этого. Я не видел, что там творилось вдали, мог только догадываться по тому, как все ринулись в нашу сторону.

Дейл пяtilся, глядя вверх: значит – передача по воздуху. Я держался так, чтобы быть в поле его зрения.

Вождь приплясывал, как боксер, выбрав позицию посередине, чтобы не упустить ни одного из нас.

Дейл с трудом устоял на ногах, поймав прилетевший мяч. И сразу же перекинул мне.

До корзины осталось меньше двух метров, но дорогу мне преградила каланча.

Я подпрыгнул, показал Вождю, что брошу мяч ему в лицо. Он рефлекторно прикрылся. Этого мгновения мне бы-

ло достаточно, чтобы – все еще находясь в полете – сделать бросок.

Попадание было не чистым, мяч попрыгал, покружил по кольцу и только потом опустился в сетку. Трибуны взревели одновременно со свистком Тренера.

05/04/91 17:20

Мы выиграли со счетом 9:8, с перевесом в одно очко. Нас приветствовали, хлопали по плечу и жали руку.

Навстречу протискивался Тренер, сияя, будто мы несли ему кубок.

– Чип и Дейл, вы летали – чтоб мне с места не сойти, – как эти парни из НБА! Как это вам удалось? – У нас волшебные кроссовки, – честно ответил я.

Но Тренер не поверил. Как не верил Дейл, когда на барахолке я притащил его к «Хоттабычу», и на остатки наших «эфирно-аферных» мы купили ему такие же «Голд Капы». Стоило ему надеть их и подпрыгнуть, как он тоже почувствовал, какую невесомость дарят эти кроссы.

– Записываю вас на турнир, – во всеуслышание заявил Тренер: – Кстати, а как назвать вашу сборную, вы же с разных факультетов?

Я не задавался этим вопросом, но, вспомнив, где мы с друзьями пропадали часами, сразу же нашел ответ:

– Сборная библиотеки.

Светлана Кривошлыкова

Немного тепла

– Мам, включи новости, хватит эту ерунду смотреть! – устало крикнула Светка с порога и накинула цепочку на дверь.

Сняв шубу, на которой таял снег, встряхнула мех, скинула унты и прошла к окну в кухне. Не включая свет, осторожно отодвинула занавеску. Метель усилилась. Напугавший ее нетрезвый мужик, кутаясь в пуховик, теперь брел к соседнему подъезду. А во дворе ей показалось, что он хотел войти следом за ней.

– Между прочим, это не ерунда, – отозвалась мать из гостиной и прибавила звук. – Вот сейчас они правильно ответят на вопросы и отправятся в романтическое путешествие.

– Любви с первого взгляда не бывает, – привычно ответила Светка.

«Может, ты и не бандит? Заходи уже куда-нибудь, замерзнешь же», – мысленно посоветовала она мужику.

Мама, как обычно, сидела на диване, укутавшись в одеяло, и смотрела шоу «Любовь с первого взгляда». Светка взяла пульт, переключила на новости. Голос диктора радостно доложил: «В связи с резким похолоданием в нашем городе

созданы специальные приемники для лиц с неопределенным местом жительства. Ночью синоптики ожидают понижение температуры до минус сорока градусов...»

– Вот поэтому ты до сих пор и не замужем. – Мать сделала вид, что обиделась. – Одна работа на уме.

– Мам, не начинай, а? Устала как собака.

– Так и будешь всю жизнь одна.

– Лучше уж одной, чем замуж за кого попало. Посмотри вокруг: одни гопники да бандиты. А у нас в больнице все приличные уже женаты.

– Чай с пирогами будешь? – Мать вздохнула, будто соглашаясь.

Светка кивнула, уселась на диван и закрыла глаза. Мама ушла на кухню, забренчала крышка чайника. С экрана телевизора доносился голос, который мешал дремать. Он сообщал, что сегодня в семь часов вечера был похищен акционер Сибирской страховой компании, в Москве найден убитым бандитский главарь по кличке Мамонт. По данным следствия он был лидером преступной группировки и сумел после распада «Десятки» держать в страхе всю Тюмень. «Когда же это кончится? Может, надо было остаться в больнице? Сейчас этих с рынка привезут... Олег Борисович один не справится...» Мысли обрывались и вязли где-то в сознании, как в зыбком болоте.

Порыв ветра ударил в стекло. Светка вздрогнула и открыла глаза, пытаясь сообразить, утро или вечер. Декабрь: вста-

ешь – еще темно, приходишь с работы – уже темно. Она откинула плед и опустила ноги на пол.

– Свет, там мужик какой-то под окном! Вроде, пьяный, – крикнула мать из кухни. Чайник надрывно засвистел. – Как бы не замерз.

– Сейчас в милицию позвоню. Пусть забирают.

Телефонный диск длинно прожужжал «ноль» и коротко «два», послышались длинные гудки, а затем резкий мужской голос ответил:

– Милиция, слушаю вас.

– У нас под окном пьяный мужчина. Заберите его, пожалуйста. Уже полчаса ломится в подъезд.

– Бомж? – Голос звучал лениво и безразлично.

– Откуда я знаю?

– Может, это ваш сосед?

– Точно нет, соседей я всех знаю. Заберите его в приемник для бомжей. Замерзнет ведь.

– У нас людей не хватает, чтобы еще бомжами заниматься.

Разрулите там с ним сами.

– Это как?

– Свет! Он лег в сугроб. – Мать забарабанила по стеклу, будто мужик мог ее услышать. – Пусть скорее приезжают.

– Запустите в подъезд и вызовите скорую.

– Как вы себе это представляете? А если он бандит? А если он нас убьет?

– Если убьет – приедем. – В трубке послышались короткие

гудки.

– Что сказали? – Мама выглядела по-настоящему встревоженной.

– Не приедут.

Света полезла в ящик, нашла скалку.

– Подойдет, пожалуй.

– Как не приедут? – Мать плюхнулась на табуретку.

– Пойдем, запустим его в подъезд.

Металлическая дверь с трудом открылась, издав недовольный глухой звук. Метель швырнула в лицо пригоршню ледяных иголок.

– Эй, ты! Заходи!

Придерживая дверь ногой, Светка запахнула шубу. Присмотрелась.

Мужик лежал на снегу, не шевелился. Его уже порядком припорошило.

– Околел, что ли? – испугалась мама, прячась от холодного ветра в подъезде, за спиной дочери, и накинула на голову шерстяной платок.

– Стой тут, – приказала Светка и, выставив вперед скалку, подошла к мужику, ткнула его в плечо.

Тот что-то недовольно буркнул.

– Живой! – крикнула она, но слова унес ветер. – Надо за-тащить его в подъезд.

Светка наклонилась, попыталась поднять мужчину. Но он

оказался слишком тяжелым.

– Помоги. – Она махнула маме рукой, усадила алкаша.

– Может, скорую вызовем? Вдруг помрет? Скажут, что мы его... – Мама подбежала, застегивая куртку, наклонилась, взяла мужика под руку.

– Давай на счет «три». Поднимаем!

Мужик, почувствовав, что его куда-то тащат, промычал что-то нечленораздельное. Ноги у него подкашивались.

– Да стой же ты! – Мама тяжело дышала. Платок развязался. Снег начал забиваться под воротник. Алкаш наклонился вперед, чуть не уронив ее, но Светка вцепилась в него мертвой хваткой – устояли. Алкаш неожиданно зарычал, как раненый медведь. Светка почувствовала, как он весь напрягся.

– Мам, осторожней!

Пьяный опять наклонился вперед, и его вырвало. – Боже мой! Вот за что это все! – Мать скривилась. – Он облевал мне куртку!

– Открой дверь.

Мать одной рукой набрала код и рванула металлическую дверь на себя. Кое-как перевалились через порог. Дверь подъезда с грохотом закрылась, за ней хлопнула и дверь тамбура. Свист ветра сменился тишиной спящего дома. Теплый воздух окутал уютom и запахом пирогов.

– Давай его на ступеньки.

– Ну и разит же от него! Фу! – Мама брезгливо сморщилась, но хватку не ослабила.

Посадили, прислонили к перилам.

– Ты посмотри, что наделал, теперь только химчистка... – Осторожно, чтобы не испачкать руки, мама расстегнула куртку.

– Мам, принеси, пожалуйста, из моей сумки фонарик. Скорее.

– Где она?

– На тумбочке в прихожей.

Мать скрылась в квартире. Светка осталась один на один с пьяным. Даже при тусклом свете было понятно: не бомж. Одежда хоть и грязная, но не потрепанная, новая. Хорошие ботинки. Ноги в таких, правда, точно уже обморозил. Руки наверняка тоже. Светка прижала пальцы к мужскому запястью. Пульс частый, слабый. Дыхание поверхностное, учащенное. Лицо бледно-серого цвета. Но без мешков под глазами, сосудистой сетки и отеков, какие обычно бывают у алкоголиков. Ссадины на губах. Нет, он не алкаш со стажем. Хотя у него, очевидно, тяжелая степень алкогольного опьянения, интоксикация.

Вернулась мама, протянула фонарик.

– Зрачки расширены, реакция на свет слабая... – Светлана убрала фонарик в карман шубы, задумалась.

– Что делать будем? Он вообще не реагирует.

– Давай его в квартиру.

– Ты с ума сошла? Он в рвоте весь! – Мама подбоченилась.

– Ему нужно оказать первую помощь, а потом вызовем скорую.

Мать всплеснула руками:

– Может, сразу скорую? Зачем его к нам тащить?

– Мам, не обсуждается: помрет. На улице, видела, что творится? И как обычно: ни одной снегоуборочной машины. Скорая неизвестно когда приедет. Он провел на сорокаградусном морозе пьяный довольно долго. Пуховик расстегнут. У него может быть обморожение. Через сутки будет понятно, какой степени. А, судя по рвоте, у него сильнейшее отравление алкоголем. Помрет, если не оказать помощь. – Светка попыталась поднять мужика: – Давай, пошли. Вставай.

Он замотал головой.

Притащили в гостиную, сняли с мужика пуховик и свитер, посадили на пол, к дивану. Мычит нечленораздельно, отмывается.

– Посиди с ним. Может опять вырвать. – Светка встала и пошла в коридор к телефону. – Я позвоню в скорую. Там сегодня Иваныч дежурит. Попрошу поскорее приехать.

Мужика вывернуло на пол. Мама принесла из ванной таз. Светка вернулась в гостиную.

– Ну, что он сказал? – Мать взволнованно посмотрела на дочь.

– Сейчас на вызове, дороги замело. Быстро не приедет. Придется самим.

Светка подошла к мужику. Мама привычно закатала ру-

кава. Чего только ей, медсестре, не приходилось видеть. Но вот так, дома, спасти кого-то еще не доводилось.

– Марганцовку, натрия хлорид, аскорбиновую кислоту, – привычно диктовала Светка. – И систему захвати из твоего ящика. Надо капельницу поставить.

Светка придвинула стол, поставила на него стул. Быстро нашла в ящике шприц, раствор камфоры. Задрала рукав рубашки, сделала инъекцию. Мужик нечленораздельно забормотал, скрючился, повалился на пол. Светка успела его удержать, пододвинула таз – стошнило. От рвоты несло спиртом.

– Еще глюкозу и витамины В1 и В6, которые тебе колола. Скорее.

– Вот, принесла. – Мать поставила на стол бутылочки, раствор с марганцовкой.

– Отпаиваем. Держи таз. – Светка взяла банку со светло-розовым раствором, поднесла мужику ко рту: – Пей!

Мужик плохо соображал, что происходит, но подчинился, опустошил банку, и его тут же вырвало снова.

– Давай на пол его. Сейчас капельницу поставлю. Ты пока принеси чем его можно накрыть.

Светка работала быстро. Через несколько минут капельница была готова.

Мама принесла старое одеяло и, брезгливо морщась, накрыла мужика.

К семи утра Светлана Николаевна Бойко – заведующая

хирургическим отделением городской больницы города Тюмени – была на работе. Медперсонала катастрофически не хватало, приходилось работать без выходных. Но к такому графику она уже привыкла. Сложнее было привыкнуть к постоянному безденежью: зарплату не платили третий месяц.

– Светлана Николаевна, у нас две новости. Одна хорошая, вторая не очень. – Дежурный хирург влетел в ординаторскую, подбежал к факсу. Тонкие листы с мелким текстом медленно выползали из аппарата. Его сухое вытянутое лицо еще больше осунулось после бессонной ночи, под глазами темнели круги.

– Олег Борисович, да говори уже! – Светлана накинула халат, пристроила на шею стетоскоп.

– Сначала подпишите. – Он протянул распечатанные страницы.

– Это еще что?

– Ночной пациент оказался акционером Сибстраха. Это раз.

– Да ладно! – Светлана села на стул. – Это тот, которого вчера похитили? В новостях слышала...

– Да. Если бы вы не поставили капельницу, потеряли бы. А так-то живехонький. Но уж очень беспокойный. Только его привезли, потребовал переселить всех больных из его палаты. Я, конечно, сказал, что это невозможно. Тогда он сообщил, что он главный акционер и директор страховой компании и, если я отселию пациентов, фирма компенсирует расхо-

ды на лечение всех в отделении. И застрахует персонал.

– А ты? – Светлана быстро читала договор.

– А что я? Нам препараты нужны и перевязочные, сами знаете. Ну, думаю, а чего нет-то? Бесится с жиру. Пусть платит. Мы хоть людям поможем. Полежит пару недель один в палате.

– Договор на месяц и выплаты незамедлительно? – Она вопросительно посмотрела на дежурного. – Ну да. Я сам офигел.

Светлана взяла ручку и медленно подписала документ.

– Тут такое дело странное. Если верить результатам анализов – вчера он выпил смертельную дозу этилового спирта. Но печень у него здоровая. – Олег протянул папку с анализами, словно в доказательство своих слов.

– Ничего не понимаю. – Светлана быстро просмотрела результаты анализов, взглянула на обложку личного дела: «Алексей Леонидович Иванов, 40 лет, палата № 9».

– Да чего там понимать? Милицию надо вызывать – а он просит не звонить. Говорит, никто его не поил.

– Олег Борисович, давайте не будем играть в следователей. Наше дело его вылечить. – Светлана встала, собираясь уходить.

– А вторая новость плохая. – Олег забрал подписанный договор со стола.

Она остановилась в дверях, оглянулась.

– Ты сказал: одна плохая, а вторая хорошая.

– Ну, то, что вы его спасли, – хорошая новость. А плохая в том... – Он помялся и выпалил: – У его палаты головорезы с оружием. С трудом убедил их, что мне нужно пациенту капельницу поставить. И меня пускать не хотели. Пациенты из соседних палат боятся в туалет выйти. А кроме того, у нас сегодня проверка из Минздра...

Договорить он не успел. Светлана выскочила из ординаторской и побежала к девятой палате.

– Светлана Николаевна, стойте. Да подождите! – Олег догнал ее на лестнице, задыхаясь. – К нему вообще не пускают.

Светка остановилась, спустилась на две ступеньки, словно передумала идти в палату.

– Разберемся. – Голос прозвучал тихо, но решительно. – Идите домой, вам надо отдохнуть.

– Я вас тут одну не оставлю. И бумаги возьмите. Надо ему отдать.

Поднявшись на этаж, Светлана рассматривала двух лбов в спортивных костюмах, с золотыми цепями толщиной с палец на накаченных шеях. Коротко стриженные, у одного шрам в полщеки, второй с золотым передним зубом. Если и с оружием, то хоть не в руках.

– Заведующая отделением, Светлана Николаевна, – представилась она. – Что тут происходит?

– Дамочка, – шрам на лице зашевелился, – мы тут тоже типа работаем.

Оба заржали.

– Посторонним в больнице запрещено находиться. Попрошу вас немедленно уйти! – Она указала на дверь.

Олег Борисович, выглядывая из-за ее спины, интеллигентно поправил очки.

– Ага, ща! – безучастно отозвался хмырь с золотым зубом.

Светлана вспыхнула, но голоса не повысила.

– Пошли вон отсюда – или объясняться будете в милиции.

– Да не кипятись ты. Всё норм. – И громила плюхнул огромную руку ей на плечо. Светлане показалось, что ее, как гвоздь, вбили в пол. – Чувака охранять надо.

– Беспредел... – пробубнил Олег Борисович, вытирая лоб, – откуда вы такие только беретесь.

Дверь палаты открылась, в коридор вышел вчерашний замерзающий. Выглядел он гораздо лучше, хотя лицо было еще бледным. Пижама в коричневую полоску ему даже шла. Широкоплечий, спортивный. Волосы взъерошены. Видимо, только проснулся.

Светка, воспользовавшись моментом, скинула с плеча руку и повернулась к пациенту.

– Алексей Леонидович, зачем вы встали? Сняли капельницу? Вам нужно лежать! И пожалуйста, скажите им уйти. Посторонним не положено...

– Вы мой лечащий врач? – Его голос звучал мягко, успокаивающе.

– Я заведующая отделением.

– Мы можем поговорить наедине?

Светлана оглянулась на Олега, словно ища у него поддержки. Тот пожал плечами: мол, ну что я могу поделать, я предупреждал.

– Только недолго, и потом вы уберете этих...

Светлана прошла в палату. Олега Борисовича не впустили.

– Где вы нашли этих своих... телохранителей? Устроили побег из зоны строгого режима?

Алексей засмеялся.

– Простите, как вас...

– Светлана Николаевна.

– Светлана, эту парочку друзья прислали утром. У меня не было охраны. Несмотря на внешность, они свою работу знают.

– Надеюсь, что это так. – Она многозначительно улыбнулась.

В палате чуть пахло хлоркой, лекарствами, сладким чаем и яблоками. Облупившиеся местами зеленые стены, старые металлические кровати, на которых из-под застиранных до дыр простыней торчали пообтрепавшиеся матрацы. Темные закрытые окна без занавесок. Пустые обшарпанные тумбочки открыты, внутри крошки от рассыпавшегося печенья, недоеденный хлеб, огрызки яблок, рулон туалетной бумаги. Было видно, что пациенты уходили в спешке. Посреди палаты стол со столешницей из ДСП, уже со вздутым посередине

лаком и кругами от горячих кружек. Обшарпанные стулья – с обанкротившегося предприятия, крепкие, сделаны на века... Позор, а не больница. Светлана вздохнула: надо выбирать деньги на ремонт.

– Хорошо устроились. Куда делись пациенты?

Замерзающий – именно так она называла его про себя – наклонил голову и улыбнулся.

– Дайте-ка подумать... Их выписали сегодня.

У него был прямой открытый взгляд, который ей понравился, и задорная лукавая улыбка.

– Ну да, конечно. Вот только одна деталь – я сегодня еще не визировала выписку. – Странно, но Светлана вовсе не злилась на него за самоуправство в ее отделении. – Вот ваш договор.

– Уже подписали? Отлично. – Он забрал документы и признался: – Ну хорошо, хорошо. По моей просьбе их перевели в другую палату.

– А вы нахал! – Все-таки она разозлилась. – Вы что, думаете, если у вас есть деньги, вам все дозволено? Это больница! Нельзя вот так просто, сунув бабла, выставлять тяжелых больных за дверь!

Пациент не сводил с нее взгляда. В нем были и одобрение, и восхищение, и забота – только не признание вины. Светлана смутилась. «Еще не хватало из-за интрижки с больным потерять работу. Но он мне нравится. Только этого не доставало».

– Не стоило вчера вам помогать – тогда хоть не видела бы эти наглые морды. – Она указала на дверь, за которой стояли «охранники». – А теперь у меня два подозрительных приметных мужика в коридоре – пациенты точно нажалуются – и проверка из Минздрава вот-вот придет!

Ее взгляд упал на его руки. Большие пузыри разного размера, заполненные прозрачным содержимым, покраснения. «Черт, ну зачем я так? Надо успокоиться. Я врач. Он пациент».

– У вас такие только на руках? – спросила Светлана, быстро сменив гнев на милость.

Терпеть его восторженный взгляд становилось невыносимо.

– Еще на ногах. – Улыбаясь, он задрал полосатую штанину.

Его улыбка Светлане тоже понравилась, и она с трудом заставила себя перевести взгляд на его ноги.

– А пациенты не нажалуются, не волнуйтесь. Я распоряжусь, деньги на их лечение переведут сегодня же.

Светлана открыла было рот, но только покачала головой. Нотации в его адрес ей явно не удавались. – Зуд? Жжение? – Она взяла его руку.

– Точно. А как вы узнали?

Да он издевается! Светлана прыснула, но взяла себя в руки.

– Ничего страшного. Через неделю все заживет. – Она с

сожалением отпустила его руку. – Даже рубцов не останется. Пузыри вскроем, обработаем, прокапаем вас, перевязки сделаем.

– Вам очень идет улыбка. – Он сел на кровать. – Теперь я знаю, что все будет хорошо.

– Я вовсе не улыбаюсь... Так о чем вы хотели поговорить? – Она сменила тему, почувствовав, что краснеет: Светка всегда краснела при одной мысли о том, что она кому-то нравится.

– Я не смогу убрать ребят из коридора. Понимаете, вчера вечером меня затолкали в машину, похоже, усыпив хлороформом.

– Да, я уже поняла.

Замерзающий кивнул и продолжил:

– Потом помню подвал, как мне зажимают нос и вливают алкоголь. Потом... не помню... улица. Я оказался в незнакомом районе. Что странно, там все подъезды были закрыты. Не получилось зайти ни в один. Но становилось хуже. Наверное, кто-то меня подобрал. Очнулся в какой-то квартире, глаз не открыть... и меня стошнило прямо на пол.

– Хорошо, что вы это помните. Дома до сих пор воняет.

Он непонимающе посмотрел на нее. Светлане казалось, что он может видеть ее насквозь.

– Это я вас подобрала... мы с мамой. А пока я капельницу ставила, вы изгваздали все что можно. Мама до сих пор отмывает.

– Извините... – Он смутился и замолчал.

– Продолжайте, – попросила Светлана.

Замерзающий вздохнул.

– Ну, потом скорая, больница... – Он посмотрел на обмороженные руки, попробовал пошевелить пальцами и скривился от боли. – За пару дней до этого ко мне приходили бандиты – как они себя называют, «крыша». Требовали, чтобы я переписал свои акции. Я главный акционер Сибстраха. У меня контрольный пакет. Ну, я отказался.

– Зачем вы мне все это рассказываете?

Светлана начала нервничать. Стул заскрипел, когда она откинулась на спинку.

– Мне важно, чтобы вы понимали, что происходит. – Он сдвинул брови, от чего его лицо стало серьезным. – Я уверен, меня хотели не просто припугнуть. По закону, если я умру, наследники, – то есть, мой брат, – обязаны в первую очередь предложить выкуп моих акций другим акционерам. Бандиты уже владеют пятнадцатью процентами компании. Но этого мало. Они хотят захватить все. – Он стиснул зубы, преодолевая боль. – Знали, что спиртное я не употребляю. Влили в меня спирт и выкинули на улицу в том квартале, где только что кодовые замки на подъездах поставили. Наверное, хотели, чтобы моя смерть выглядела как несчастный случай.

Светка почувствовала, как страх холодком ползет по позвоночнику.

– Давайте позвоним в милицию? Пусть их арестуют. Ведь

вы же знаете, кто...

– Нельзя: менты могут быть в доле.

– А что мы можем сделать? – Во рту пересохло, она сама не поняла, как у нее вырвалось это «мы». Кажется, он тоже не заметил. – Рано или поздно, они узнают, что вы живы. Тюмень – город маленький. Слухи разлетаются мгновенно.

– Не рассказывать никому, что я здесь.

– Ясно. Но у нас сегодня проверка из министерства, – вдруг спохватилась Светлана и показала на дверь. – Могут увидеть. Этим двоим тут нельзя находиться.

– Как раз о них я и хотел поговорить. Может, мы их передодем? Белые халаты у вас есть?

Теперь он сказал «мы»...

Она поднялась, подошла к окну. Метель стихла. Снег медленно падал густыми хлопьями.

– Ну хорошо... – Светлана сдалась. – Но чтобы вели себя прилично! На пол не плевать, и молчат пусть! И, пожалуйста, сделайте так, чтобы никто не видел, что у них оружие. Не нервнируйте мне пациентов.

– Договорились! – Еще одна задорная улыбка.

– А теперь ложитесь, вам надо вскрыть и обработать волдыри на руках и ногах. Сейчас пришлю медсестру, даст вам обезболивающее.

Замерзающий послушно лег на кровать.

– Можно еще одну просьбу?

Светлана взялась за дверную ручку, оглянулась.

– Мне было бы спокойнее, если бы как можно меньше людей знали о том, что я здесь. Может быть, раны *вы* мне обрабатываете?

Она не ответила, лишь кивнула, давая понять, что услышала.

Жизнь в больнице закипела, как в большом муравейнике. К обеду приехала проверка из Минздрава – написали замечания, уехали. На скорой привезли двоих с ножевыми ранениями – ссора на рынке. Пришлось срочно оперировать. Приехала милиция: протоколы, беготня, нервотрепка.

Весь медперсонал Светлана предупредила, чтобы никому не рассказывали о новом пациенте. Двух охранников переодели в медбратьев, и присутствие замерзающего удалось скрыть. Впрочем, ни в ком из коллег сомневаться не приходилось. Они все умели держать язык за зубами. Разве что новенькая медсестра не вызывала доверия, уж слишком любила посплетничать, но ее к замерзающему Светлана не пускала.

* * *

На третий день охранники окончательно освоились: поухли, уселись в фойе прямо напротив входа в палату и старались не привлекать внимания. Однако следили, чтобы в палату никто, кроме Светланы Николаевны и Олега Борисо-

вича, не входил.

Ближе к четырем часам дня Светлана вновь заглянула к пациенту. Алексей спал. Она отключила капельницу и осторожно вытащила из вены иглу. Неожиданно его большая горячая ладонь легла на ее руку. Светлана вздрогнула. Ее словно ударило током:

миллион горячих искр пробежал по телу, и в груди стало тепло.

– Спасибо вам.

– Это моя работа. – Она убрала руку, испугавшись нахлынувшего вдруг чувства.

– Я даже рад, что всё так. – Он сел на кровати, опустил ноги на пол. – Вы потрясающая женщина.

Светка покраснела и поспешила уйти, но он успел спросить:

– Можно вас пригласить на свидание, когда меня выпишут?

– Пока рано об этом говорить. – Сердце билось так сильно, что закружилась голова. – Когда выпишем, тогда поговорим.

В коридоре слышались быстрые шаги, возня, шум. Что-то металлическое упало на пол. Они оба повернулись к двери.

– Сейчас посмотрю, что происходит.

Светлана выскочила в коридор, и ее взгляд тут же выхватил экран телевизора: «Акционер страховой компании обнаружен сегодня в городской больнице. По словам врачей, по-

страдавший в удовлетворительном состоянии...»

– Откуда они узнали?..

Она направилась к посту, где сегодня дежурила новенькая медсестра, но тут же остановилась. В конце коридора появились двое в черных кожаных куртках и пошли прямо на нее.

– В сторону! – раздался за спиной грубый голос.

В следующую секунду чья-то большая рука схватила ее за плечо и швырнула в фойе.

Светка упала на пол и выглянула из-за кресла. Все происходило так стремительно, что она даже не успела испугаться. В висках стучало. И тут грохнули выстрелы. Крик медсестры, мат, звук приближающихся шагов. Она выскочила из укрытия и шмыгнула в палату.

– Там... там... – Мысль улетучилась.

Алексей обхватил ее за плечи и отвел от двери. Затем достал из-под подушки пистолет. Содрал повязку с правой руки, до крови повредив еще не зажившую рану.

– Тихо. – Он поднес палец к губам.

Светлана закрыла рот рукой, чтобы не закричать. Ноги стали ватными. Она опустилась на пол и спряталась за тумбочкой. Сердце колотилось так быстро, что, казалось, вот-вот выскочит из груди.

Выстрелы – совсем рядом. Алексей приоткрыл дверь – и тут же получил удар по рукам. Он согнулся от боли, пистолет упал на пол и отлетел к ножке кровати. Дверь с грохотом распахнулась. Светлана подтащила стул, словно он мог

ее защитить. Со стола полетели тарелки. Бандит в кожаной куртке схватил Алексея, кинул на пол, оседлал, ударил в лицо. Из носа у того сразу полилась кровь.

– Говорил тебе по-хорошему: перепиши бумаги.

Удар, еще удар. Господи, почему он не уворачивается?

– Вставай. Подписывай. – Бандит поднял Алексея за шиворот и сунул ему ручку.

Светлана вцепилась в ножки стула. «Тихо, главное себя не выдать. Сейчас он меня заметит и убьет. Убьет обоих, как только Алексей подпишет документ». Взгляд упал на валяющийся на полу пистолет. «Черт. Не дотянусь. Что делать?»

Неожиданно для самой себя она вскочила и огрела бандита по спине стулом. Спинка хрустнула. Хотя Светлане удар показался недостаточно сильным, громила повалился на Алексея.

«Где они? Что они там затихли?» Светлана посмотрела в открытую дверь – охранников не было. Из коридора доносились охи и торопливые шаги. Алексей поднялся, вытер рукавом кровь на лице. Светлана оглянулась, но не успела даже крикнуть – бандит ловко ударил ее под колено, ноги подкосились, она повалилась на пол. Мужчина схватил ее, вытащил «бабочку», лезвие выскочило, и он плотно прижал его к горлу заведующей.

– Подписывай – или ей конец. – Бандит мотнул головой, показывая на бумаги на полу.

Алексей побледнел, замер, не решаясь пошевелиться.

– Чё? Нравится телочка? – Тип в черной куртке провел лезвием по ее щеке.

Светлана оцепенела от ужаса.

– Отпусти. Она тут ни при чем.

– Подписывай! – прокуренным голосом гаркнул тип прямо у Светкиного уха. Она вздрогнула и отвернулась от зловонного дыхания. – Мамонт зажмурился. Наверное, слышал уже, по ящику только об этом и говорят. – Светлана сглотнула. Речь шла о главаре банды, про которого она слышала по телевизору. – А я просто так мочить не буду. Перепиши бумаги и разойдемся.

В висках пульсировало. Лезвие – холодное, острое, – давило на шею. Казалось, оно вот-вот разрежет кожу. Стараясь не дышать, она зажмурила глаза, а когда вновь открыла – заметила движение в коридоре.

– Хорошо. Но сначала прочитаю, что вы тут написали.

Алексей демонстративно сел на кровать – серьезный, сдержанный, словно находился у себя в кабинете, а не в больнице перед головорезом с ножом.

Бандит ослабил хватку, Светка взглянула в сторону двери – черный ствол смотрел прямо на нее. Интуитивно она отклонилась вправо, и тут же раздался выстрел. Кровь брызнула ей в лицо. Светка отшатнулась и рухнула на пол.

– Ты цела? Врача, срочно! – Алексей подбежал к ней, плюхнулся на колени, приподнял обмороженными руками ее голову.

Светка с трудом сфокусировала взгляд на его испуганном лице и, наконец, пошевелила пересохшими губами:

– Это не моя кровь. Я в порядке.

Этим вечером Светка вернулась домой позже обычного. Охранник со шрамом на лице, который ей сперва так не понравился, в итоге спас ей и Алексею жизнь. Второго, с золотым зубом, бандиты тяжело ранили. Но благодаря Олегу Борисовичу, вовремя оказавшемуся рядом, его все же успели спасти. Первому бандиту пулей разнесло голову, тело второго вечером тоже отвезли в морг: не удалось остановить внутреннее кровотечение после пулевого ранения в живот. Новенькая медсестра весь вечер проревела в ординаторской от шока и чувства вины. Оказалось, она злилась, что ей не доверяют и не пускают к больному, пожаловалась подружке, та рассказала еще кому-то, и новость о замерзающем тут же разлетелась. Сил разобраться с медсестрой не было. Наверное, следовало бы ее уволить, но Светка отправила медсестру домой. Нужно было как следует все обдумать, но мысли Светланы были только об Алексее.

До самого дома Светка вспоминала объятия Алексея. Было в них что-то настоящее, человеческое, теплое...

– Ты что так поздно? – Мама, как обычно, смотрела шоу «Любовь с первого взгляда». – Тут такая любовь! У нее каблук сломался, и он нес ее на руках. Вот это забота. Кстати, они отправятся в романтическое путешествие. Интересно, поженятся потом? – Если им суждено быть вместе – по-

женятся.

Светка села рядом с матерью на диван, опустила голову ей на плечо. А в мыслях крутилось: «Какая забота...» И тут Светка поняла: «Алексей настоял на отселении других не для того, чтобы лежать одному в палате! Он опасался, что если бандиты придут, могут убить других пациентов! Какая я была дура! Его же не смутили ни обшарпанные стены, ни рваные матрацы, ни застиранные простыни. Он не про свой комфорт думал. Он думал о них...» Она закрыла глаза и тут же уснула.

Метель отступила. Все вокруг преобразилось, стало совсем другим. Мягкий пушистый снег ровным слоем покрыл скамейки, крыши домов, деревья. Заблестел серебром, отражаясь от яркого зимнего солнца... Чудесный ясный день. Так и хотелось вдохнуть полной грудью свежий морозный воздух.

Светка летела на работу. Снег хрустел под ногами, словно подгоняя к нему, к замерзающему. Хрусь-хрусь! Хрусь-хрусь. Как он? Скорее бы его увидеть!

Девятая палата была опечатана со вчерашнего дня. Длинный коридор, пост медсестры. Почему она улыбается? Светлана сразу зашла в третью, куда вечером перевели пациента, который стал ей так дорог. Запах яблок, сладкого чая и еще какой-то давно забытый легкий аромат счастья. Она посмотрела на тут же прекративших болтать пациентов. Алек-

сей лежал на кровати – лицо отекло от ссадин, руки и ноги забинтованы, а глаза счастливые – улыбается.

– Доброе утро. – Голос дрогнул, и Светлана улыбнулась, надеясь, что никто не заметил ее волнения.

Больные поздоровались и друг за другом тихонько вышли из палаты. Светлана с удивлением проводила их взглядом. Дверь бесшумно закрылась.

– Что это? – Она подозрительно посмотрела на Алексея. – Ты опять всех отселяешь?

Он коротко хохотнул и скривился от боли. Светка присела на край кровати.

– Я всю ночь думал о том, что произошло вчера.

– Давай не будем об этом.

– Давай. – Он накрыл забинтованной рукой ее руку. Она не возражала. – Я решил вопрос с бандитами.

Светлана испуганно посмотрела на него, но Алексей был спокоен.

– Олег Борисович разрешил мне позвонить. Я договорился с губернатором, что область заходит в капитал компании, – он слабо улыбнулся, – и к нам прикомандируют фээсбэшника в качестве начальника службы безопасности. Так что бандитов теперь можно не бояться.

Он с трудом повернулся на бок. Светка встала. Алексей достал из-под одеяла большой букет красных роз. Сел на кровать, поставил забинтованные ступни на пол – медленно, преодолевая боль, встал на одно колено.

– Ты что делаешь? Ляг обратно!

Она присела, попыталась его поднять. Взгляды встретились, сердце замерло. В открытую форточку влетел свежий ветерок. На окнах засияли сказочные узоры в блеске утреннего солнца.

– Ни за что. Еще ни одна девушка не спасала меня дважды. Я теперь просто обязан на тебе жениться.

– Тогда уж не на мне. На этом... который со шрамом.

– Светка, мне же больно смеяться! Черт, я серьезно! Это предложение руки... слегка отмороженной, правда.

Светка взяла цветы, уткнулась лицом в нежные бархатные лепестки и вдохнула нежный аромат.

– Выходи за меня. Я, конечно, сейчас не очень, но вообще – очень даже... Да, обещаю вести себя хорошо. Так ты согласна?

– Да ты не только на руки, ты на всю голову отмороженный... Да. Да!

Счастье светилось и искрилось в ней, как снег морозным солнечным утром.

– Да. – Она осторожно прижалась к нему. – Как мне повезло, что ты не замерз...

– Это мне повезло, что ты отогрела.

Ольга Бунина

Урок английского

– Наташка, а ткань-то какая красивая! – Сергей рассматривал разноцветные рулоны, брошенные на пол в коридоре. – Вон, какие бабочки-цветочки, можно и тебе платье шить, и Анечке сарафан.

– ...и бабушкам халаты, и тебе на рубаху останется, – обреченно добавила Наташа и стала разуваться, – а жить-то на что? Раньше хоть одна зарплата в доме была. А теперь и ее рулонами выдают. Мне что, хлеб и молоко на погонные метры покупать?

– Не переживай, придумаем что-нибудь. – Сергей нежно положил руку на плечо жены.

– Придумаем?! – Наташа резко скинула руку мужа. – Уже три месяца прошло, как твой НИИ закрыли, а ты все думаешь! Твои бывшие подчиненные все при деле: Колька куриными яйцами с машины торгует, Женька ларек открыл. Лучший друг Мишка, и тот работу нашел, даже иномарку подержанную купил. А ты! Ты... – запнулась Наташа, и тут же, словно испуганный ребенок, прильнула к груди мужа и тихонечко заскулила: – Прости, Сереженька, прости! Что я говорю...

– Хорошая моя, не плачь. – Сергей крепко прижал к себе

жену. – Все образуется, все обязательно будет хорошо.

Сергей вышел на улицу и закурил. Тяжелый сигаретный дым успокаивал и притуплял колющие мысли об институте, о безработице, о деньгах. «Все будет хорошо», – задумчиво повторил Сергей и направился в старый отцовский гараж, куда часто сбегал от Наташкиных слез и упреков.

Новую Мишкину машину было видно издалека. Друг детства, он же сосед по гаражу, плясал вокруг автомобиля, натирая капот и дверцы старенького серебристого «Форда».

– Здорово, Косолапый! – наигранно весело выкрикнул Сергей, заглянув другу через плечо.

– О, здорово! – подскочил Мишка от неожиданности. – Снова из дома сбежал?

– Да ну этих женщин. – Сергей демонстративно махнул рукой. – А ты, я смотрю, в жизни не пропадешь: джинсами на развале не торговал, а на тачку иностранную набрал.

– Были у меня небольшие накопления, – смутился Мишка, – да и подзаработал неплохо.

– Работа – это хорошо! – Сергей достал полупустую пачку «Мальборо» и закурил. – Особенно, если за нее платят прилично. Если не секрет, куда устроился? Кому нынче нужны безработные научные сотрудники химического института?

Мишка опустил глаза, теребя в руках пыльную тряпку:

– Да какой там секрет? Я... это... к Слепому на стройку нанялся. Он коттедж за городом строит, вот я рабочим и по-

шел.

– К Слепому?! – От удивления Сергей чуть не выронил сигарету изо рта. – Тебе что, жить надоело? – Без денег – да. Он хоть и легок на расправу, зато платит хорошо, – недовольно пробубнил Мишка, продолжая натирать лобовое стекло автомобиля.

О бизнесмене по прозвищу Слепой в городе говорили по-разному. Одни называли его вором и мошенником, другие – авторитетом, подчиняющим всех своей могучей, звериной воле, третьи же считали его преступником и отъявленным бандитом, приписывая ему убийства и разбой. И лишь в одном мнении все сходились: от Слепого лучше держаться подальше.

Сергей открыл ворота своего гаража и вошел внутрь. В нос ударил запах сырости, плесени и старых вещей. Сергей любил этот запах, он его успокаивал, убаюкивал, приводил мысли в порядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.